
ОГОНЁК
№ 39 СЕНТЯБРЬ 1972
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

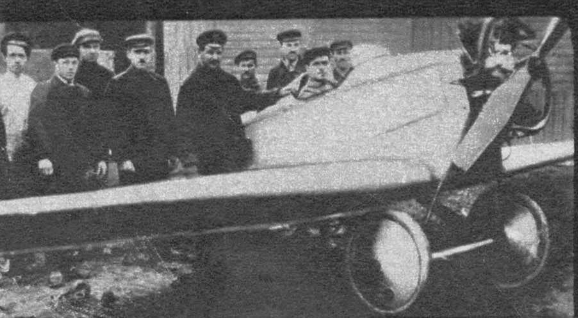
Основан 1 апреля 1923 года

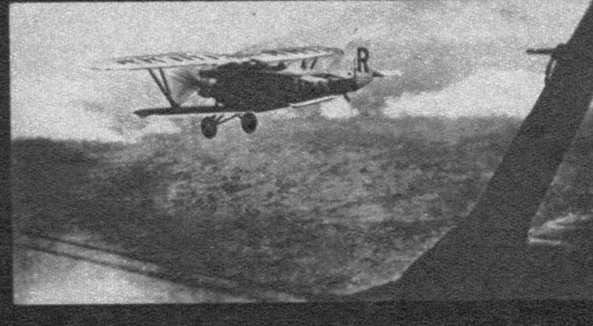
№ 39 (2360)

23 СЕНТЯБРЯ 1972

Первое детище конструкторского бюро А. Н. Туполева — «АНТ-1». В центре — А. Н. Туполев. 1923 год.

«АНТ-3» над Фудзиямой.

«АНТ-20» («Максим Горький»).

Дважды Герой Социалистического Труда академик Андрей Николаевич Туполев.

Площадка, огражденная металлическими перилами, чем-то напоминает капитанский мостик океанского корабля. Она почти под потолком, и отсюда хорошо видна вся эта грандиозная лаборатория. Высота помещения тут такова, что уместился бы и девятиэтажный дом. Под бетонным полом мощный фундамент уходит глубоко в землю, а на полу помещается испытуемый самолет.

Мы в лаборатории прочности конструкторского бюро, руководимого дважды Героем Социалистического Труда, академиком Андреем Николаевичем Туполевым.

А. ГОЛИКОВ

Фото Е. УМНОВА.

«ТУ-144».

НЫЕ ВВЫСЬ...

«АНТ-6».

«АНТ-25» на острове Удд.

«АНТ-42» («ТБ-7»).

Сейчас идет очередное испытание. Воздушный корабль походит на Гулливера, связанного лилипутами: тонкие проводники паутиной опутывают его могучее тело, тянутся из тысяч точек конструкции, сообщая о ее «самочувствии» электронно-вычислительным устройствам. Сложная система рычагов передает самолету огромные, все возрастающие усилия. Слышно, как похрустывают «кости» машины, и порой кажется, что она, словно живая, тяжело вздыхает.

— Так и сломать крыло можно! — заметил я.

— Как раз это и требуется,— улыбается начальник лаборатории Федор Гордеевич.

В это мгновение раздался треск и произошло разрушение крыла. Потом такая же участь постигла хвостовое оперение. В общем, весь огромный самолет разломали на куски. Таково требование исследователей. Электронно-вычислительные устройства получили необходимые данные о прочности конструкции, о предельно допустимых нагрузках на нее. Испытания в лаборатории позволяют выявить прочность самолета.

Столь же совершенно оснащение и других лабораторий этого КБ. Есть здесь и специальный цех, в котором делают модели самолетов, существующие пока только в замыслах конструктора, в первых эскизах. Постройка модели, позволяющей найти наилучшую форму будущего самолета, исследовать динамику его полета, требует большого мастерства, точных инженерных расчетов.

Маленькие самолетики буквально начиняют приборами-самописцами, телеметрической аппаратурой. Летающие модели либо стартуют с земли, либо сбрасываются в воздухе с борта самолетов, в том числе и со сверхзвуковых. Прежде чем построить новый самолет, строят серию его моделей.

Старейшее в Советском Союзе конструкторское бюро за 50 лет своего существования выросло в крупный опытно-конструкторский и научно-исследовательский центр, который многое сделал для развития отечественного самолетостроения. За полвека здесь было спроектировано и построено 120 типов первоклассных воздушных кораблей, и военных и пассажирских, небольших, средних и тяжелых. И среди них немало таких, которые составили гордость советской авиационной державы.

По случаю полувекового юбилея КБ прославленных самолетостроителей я попросил Генерального конструктора А. Н. Туполева дать для журнала «Огонек» небольшое интервью.

— Уж так сразу и интервью...— улыбается Андрей Николаевич. — Давайте лучше просто побеседуем. Когда позади 50 лет работы, хочется оглянуться назад, вспомнить, с чего начиналось отечественное самолетостроение. Оно, как и все крупные начинания в молодой Советской республике, связано с именем Ленина. В условиях гражданской войны и разрухи Владимир Ильич всемерно поддерживал предложение Жуковского и мое о создании Центрального аэрогидродинамического института (ЦАГИ), деятельность которого заложила основу самой передовой в мире авиационной науки и техники. В 1922 году при ЦАГИ было организовано конструкторское бюро по проектированию летательных аппаратов. Руководить им поручили мне.

В те годы большое участие в нашей работе принимал начальник ВВС П. И. Баранов. Особенно большую помощь оказывал самолетостроителям Г. К. Орджоникидзе. Первые шаги в конструировании мы делали осторожно, стараясь, чтобы они были технически целесообразны и последовательны и вели нас от простого к более сложному. Для дебюта выбрали маленький спортивный самолет «АНТ-1» и небольшой экспериментальный глиссер.

Росли мы быстро. Уже в 1926 году летчик М. М. Громов на нашем самолете «АНТ-3» летал по Европе. В своем КБ мы по мере сил связывали научно-исследовательские и лабораторные работы с непосредственной инженерной деятельностью. При проектировании первого самолета ввели специализацию конструкторов по отдельным агрегатам машины. Это были зародыши современных конструкторских бригад, которые характерны для советской школы самолетостроения.

Из нашего конструкторского

СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

19 сентября в Москве в Кремле начала работу четвертая сессия Верховного Совета СССР восьмого созыва.

В 12 часов дня в зале заседаний Верховного Совета СССР в Большом Кремлевском дворце началось совместное заседание Совета Союза и Совета Национальностей.

Бурными, продолжительными аплодисментами, стоя, депутаты и гости встретили товарищей Л. И. Брежнева, В. В. Гришина, А. Н. Косыгина, Ф. Д. Кулакова, К. Т. Мазурова, Н. В. Подгорного, Д. С. Полянского, М. А. Суслова, А. Н. Шелепина, В. В. Щербицкого, Ю. В. Андропова, Б. Н. Пономарева, М. С. Соломенцева, И. В. Капитонова, К. Ф. Катушева.

Совместное заседание обеих палат открыла Председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР депутат Я. С. Насриддинова.

На повестке дня сессии:

1. О мерах по дальнейшему улучшению охраны природы и рациональному использованию природных ресурсов.

2. О проекте Закона СССР «О статусе депутатов Советов депутатов трудящихся в СССР».

3. Избрание Верховного суда СССР.

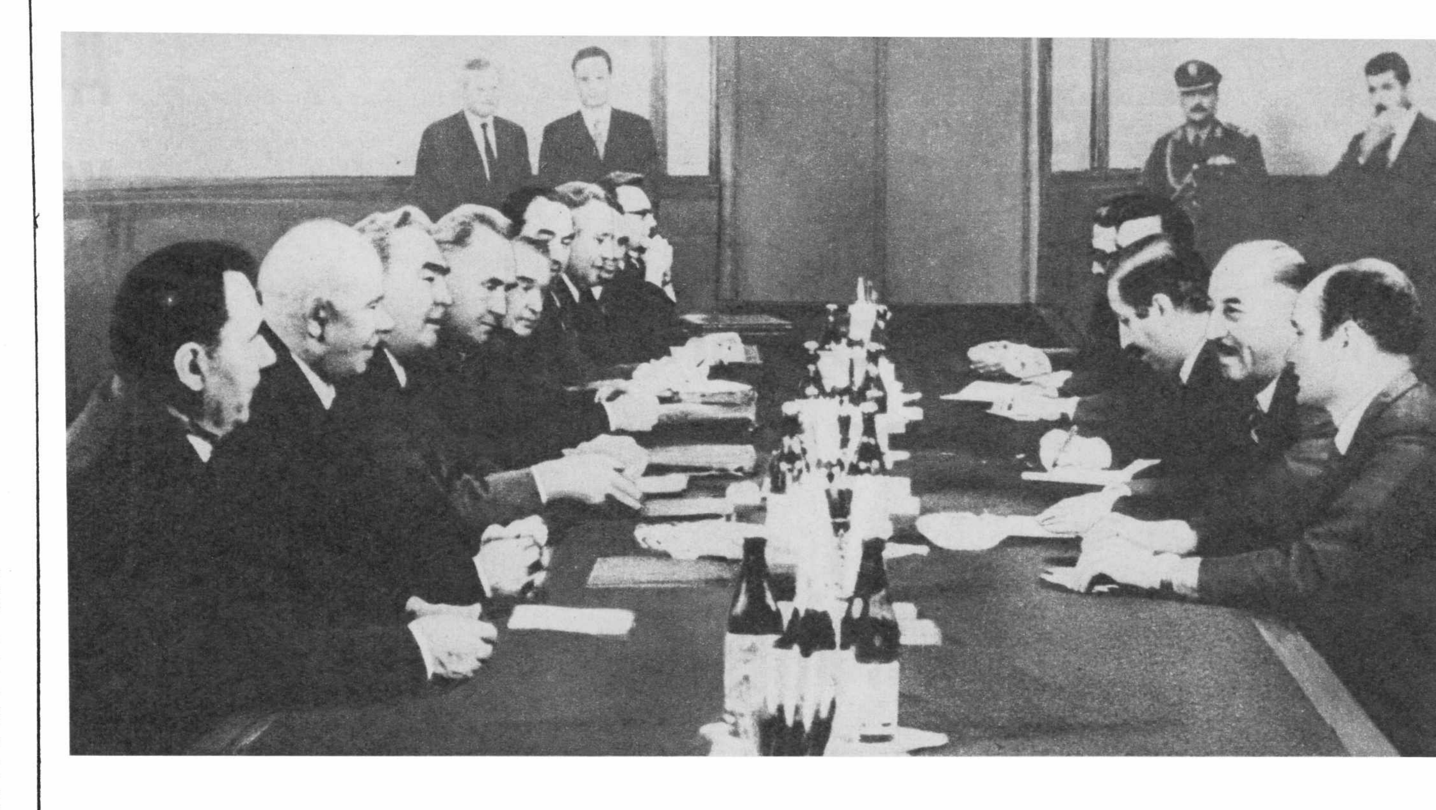
4. Об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР.

На снимке:

В зале заседаний.

С докладом «О мерах по дальнейшему улучшению охраны природы и рационального использования природных ресурсов» выступает заместитель Председателя Совета Министров СССР депутат В. А. Кириллин.

Фото А. ГОСТЕВА.

ВЗАИМОПОНИМАНИЕ, СЕРДЕЧНОСТЬ

14 сентября в Москву по приглашению ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства с официальным визитом прибыл Генеральный секретарь Регионального руководства Партии арабского социалистического возрождения (Баас), Председатель Совета революционного командования, Президент Иракской Республики Ахмед Хасан аль-Бакр.

18 сентября в Кремле были завершены переговоры между Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым, членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным, членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным и Генеральным секретарем Регионального руководства Партии арабского социалистического возрождения (Баас), Председателем Совета революционного командования, Президентом Иракской Республики Ахмедом Хасаном аль-Бакром.

В обстановке дружбы и взаимопонимания были рассмотрены вопросы укрепления советско-иракских отношений во всех областях в свете Договора о дружбе и сотрудничестве между Советским Союзом и Иракской Республикой. Были также обсуждены актуальные проблемы современной международной обстановки.

На снимке: Москва, Кремль. Советско-иракские переговоры.

Фото А. ПАХОМОВА.

бюро вышли такие выдающиеся деятели авиации, как В. М. Петляков, П. О. Сухой, В. М. Мясищев, И. И. Погосский, И. Ф. Незваль, которые позже стали руководителями самостоятельных творческих коллективов и видными организаторами технического прогресса нашей авиации. И вот что примечательно: ушли от нас талантливые люди, а коллектив не стал слабее, так велика была к нам тяга высокоодаренных молодых специалистов. Сейчас в нашем КБ трудятся конструкторы не менее выдающиеся: А. А. Архангельский, Н. И. Базенков, А. И. Путилов, А. Р. Бонин, С. М. Егер, Д. С. Марков, В. П. Сахаров и мой сын Алексей Туполев. Не могу не сказать самых теплых слов в адрес наших замечательных рабочих и летчиков-испытателей. Их самоотверженный труд и труд конструкторов определяют успех всего нашего дела.

— Андрей Николаевич! Из ста двадцати созданных вами самолетов какое самое «любимое дитя»?

— Вы неправильно понимаете задачи авиационного конструктора. «Любимое дитя» — значит, излюбленная схема самолета, значит, топтание на месте. А этого мы никогда не допускали. Со дня создания КБ смысл нашей работы состоял не столько в создании определенных типов самолетов, сколько в решении новых проблем самолетостроения. Скажем, вначале перед нами стояла такая проблема: создавать монопланы или бипланы? Мы правильно выбрали монопланы, считая, что будущее за ними. Это определило всю нашу дальнейшую работу над конструкциями новых самолетов — от истребителей до тяжелых воздушных кораблей.

Другая проблема: строить самолеты из дерева или из металла? В ту пору деревянные и металлические самолеты были равноценны по своим летным качествам. Металла — дюралюминия наша страна еще не имела, а древесины было сколько угодно. Тем не менее, заглядывая в будущее, мы выбрали дюралюминий. Партия и правительство поддержали наш выбор, и в удивительно короткие сроки была создана советская промышленность высокопрочных алюминиевых сплавов, которые назвали так: «кольчугалюминий».

В последнее время мы занимались проблемами, связанными с созданием пассажирской сверхзвуковой авиации. Так что, как видите, каждый самолет, созданный в нашем КБ,— результат решения сложных проблем, от которых зависят общее направление, технический прогресс самолетостроения.

— Какие новые проблемы встают теперь перед вашим КБ?

— Новых проблем, как всегда, много,— говорит Андрей Николаевич.— Мы будем развивать и совершенствовать сверхзвуковой пассажирский самолет «ТУ-144». Он сочетает высокую скорость и максимальные удобства для пассажиров. При модификации самолета эти факторы не должны быть нарушены. Будем совершенствовать и наш дозвуковой лайнер «ТУ-154».

Авиационная техника продолжает развиваться. Известно, что за рубежом конструкторы работают над созданием сверхзвуковых пассажирских самолетов, а также больших воздушных лайнеров, способных принимать на борт до пятисот пассажиров. Скорость таких кораблей должна быть близкой к звуковой или немного превышать ее. Видимо, думают зарубежные конструкторы и над проблемами, которые поставит перед ними создание самолета с гиперзвуковой скоростью, а также самолета, способного подниматься до трасс искусственных спутников Земли или долговременных орбитальных космических станций и возвращаться на Землю. Много работают за рубежом и над созданием самолетов с вертикальным взлетом. И мы сейчас, конечно, работаем над развитием самолетов, которые считаем перспективными, с большими скоростями, дальностями и высотами полета. Ну, а конкретно об этом расскажу вам в следующее пятидесятилетие нашего КБ,— улыбается Андрей Николаевич и, заканчивая беседу, говорит: — Одним словом, мы вместе с другими конструкторскими коллективами страны сделаем все, чтобы Родина располагала совершенной авиационной техникой, достойной великой нашей державы.

РЕАЛЬНАЯ ОСНОВА

Владимир НИКОЛАЕВ

Вьетнамская земля по-прежнему пылает огнем. Американские сверхтяжелые бомбардировщики «В-52» продолжают свои массированные налеты. Под чудовищный аккомпанемент бомб одно за другим следуют официальные американские заявления об «уменьшении» американского «участия» в войне. Факты разоблачают эти заявления.

Варварские бомбежки должны, по замыслам американских стратегов, сломить волю борющихся патриотов. Недавно вернувшийся из ДРВ бывший министр юстиции США Р. Кларк свидетельствует, что «во Вьетнаме от бомбардировок гибнут главным образом беззащитные гражданские лица». Наращивая агрессию с помощью авиации, кое-кто в США надеется и на то, что такого рода военные действия не вызовут столь резко отрицательного международного резонанса, как наземные операции американских войск на чужой земле. Газета «Вашингтон пост» так и пишет: «Ожидается сокращение уровня вооруженных сил США в Южном Вьетнаме, а факт, что количество американских войск в то же время увеличивается в Таиланде и на борту американских авианосцев, по мнению администрации США, мало привлекает внимание общественности». Вот ведь каков расчет!

Но ни подавить сопротивление борющихся народов, ни обмануть мировое общественное мнение Вашингтону не удается. Американская авиация продолжает свои налеты, а сайгонские марионетки договорились до того, что призывают США применить против патриотов ядерное оружие. Уже один этот истерический призыв говорит о том, как скверно обстоят дела у сайгонской клики.

Удар за ударом, один сокрушительнее другого, наносят по войскам сайгонских наемников борющиеся патриоты. Разрекламированная в свое время так называемая «политика вьетнамизации» потерпела полный крах. «В настоящее время,— пишет ханойская газета «Куан Дой Нян Зан»,— в соотношении сил на вьетнамском фронте произошли крупные изменения, неблагоприятные для американских агрессоров. Сейчас все видят провал «вьетнамизации».

Между прочим, об этом же провале свидетельствуют и усилившиеся американские бомбежки. Сейчас общее число американских самолетов, действующих в районе Индокитая, достигло 1 400, в том числе 200 гигантских бомбардировщиков «В-52». А это количество почти в пять раз (!) превышает число самолетов, предусматривавшееся программой «вьетнамизации». Так что скорее получается «авиазация», но никак не «вьетнамизация».

Сегодня самое время поставить вопрос: есть ли выход из создавшегося положения? Безусловно, есть! Об этом говорят последние предложения, с которыми выступило на прошлой неделе Временное революционное правительство Республики Южный Вьетнам. В сделанном заявлении проводится важная и конструктивная мысль о том, что при решении внутренней проблемы Южного Вьетнама нужно исходить из фактического положения дел, учитывая, что в Южном Вьетнаме существуют два правительства, две армии и другие политические силы. «Необходимо достичь национального согласия,— сказано в заявлении,— стороны должны объединиться на основе равноправия, взаимного уважения и взаимного отказа от устранения другой стороны. Народу должны быть гарантированы демократические свободы. Для этой цели в Южном Вьетнаме необходимо создать временное правительство национального согласия, состоящее из трех равных частей, которое будет осуществлять руководство в переходный период и проведет подлинно свободные демократические выборы».

Правительство Демократической Республики Вьетнам поддержало эту инициативу. Член Политбюро ЦК Партии трудящихся Вьетнама Ле Дык Тхо, специальный советник главы делегации ДРВ на парижских переговорах, заявил, что он вернулся в столицу Франции из Ханоя, чтобы «продолжить переговоры с Соединенными Штатами с целью поисков мирного решения вьетнамской проблемы». Полностью поддерживают новые предложения ВРП РЮВ Советский Союз и другие страны социалистического содружества, положительно откликнулось на них и мировое общественное мнение. В самом деле, четкая, справедливая позиция и добрая воля, выраженные в этих предложениях, не могут не привлечь внимания всех, кто искренне заинтересован в мирном решении столь затянувшегося конфликта.

Нет сомнения в том, что последнее заявление Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам могло бы стать реальной основой для продолжения и успешного завершения четырехстороннего парижского совещания по Вьетнаму. Другой альтернативы нет.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ДЫНИ УЗБЕКИСТАНА

Словно солнечный дворец, возвышается крытый кукурузными стеблями шалаш. Легкое шуршание подсохших листьев, воздух напоен дынным ароматом; вот рубиновой вспышкой полыхнул арбуз, с треском лопнувший от прикосновения ножа... Бахча!

Нынче у узбекских бахчеводов урожай отменный.

— Ради этого стоило поработать в полную силу,— говорит дочерна загорелый, осунувшийся, но веселый Туруш Каттабеков, управляющий овощеводческим отделением голодностепского совхоза имени Ахунбабаева.— Ну и поволновались, конечно, немало за урожай.

Директор совхоза Ахмед-ака Джавланов нетерпеливо берет дыню из одного кургана, что сложены на краю поля в ожидании отправки на товарную станцию.

— От слова «халва» во рту сладко не станет,— говорит он.— А ну-ка, разрежь, Туруш-джан, на пробу!.. Это сорт «оккурук», то есть «белосемянная», такие дыни весят от пяти до двадцати пяти килограммов... Самой многодетной семье на целый день хватит!

— А какие еще сорта отправляются за пределы республики?

— Те, что повыносливей в дороге,— «шакарпалак» («сахарная плеть»), «ич-кызыл» («внутри красная»), «бурикалла» («волчья голова»), а также зимние сорта — «кыркма», то есть «не разрезай до срока», и, конечно, знаменитые хорезмские желтые и черные «гуляби», словно колоды, наполненные сладкой, ароматной мякотью...

Ко всем товарным станциям республики идут машины с прицепами, груженные дынями и арбузами, виноградом и яблоками, капустой и луком, картошкой и помидорами. Самая жаркая пора у заготовителей потребительской кооперации Узбекистана — «Узбекбрляшу». Председатель правления «Узбекбрляшу» Мадаминджан Хасанович Хасанов сообщил нам, что в нынешнем году кооператоры республики с особой тщательностью подготовили необходимую плодоовощную тару, заранее позаботились об отгрузочных площадках, заключили договоры с железнодорожниками и авиаторами.

— Мы хотим, чтобы плоды земли узбекской отведали повсюду в нашей стране,— говорит Мадаминджан Хасанович.— Наши дыни, фрукты и овощи должны украсить обеденный стол московского строителя и уральского сталевара, ленинградского учителя и дальневосточного рыбака, сибирского лесоруба и чукотского оленевода... Ведь и плодами их труда мы пользуемся в нашей республике ежедневно!

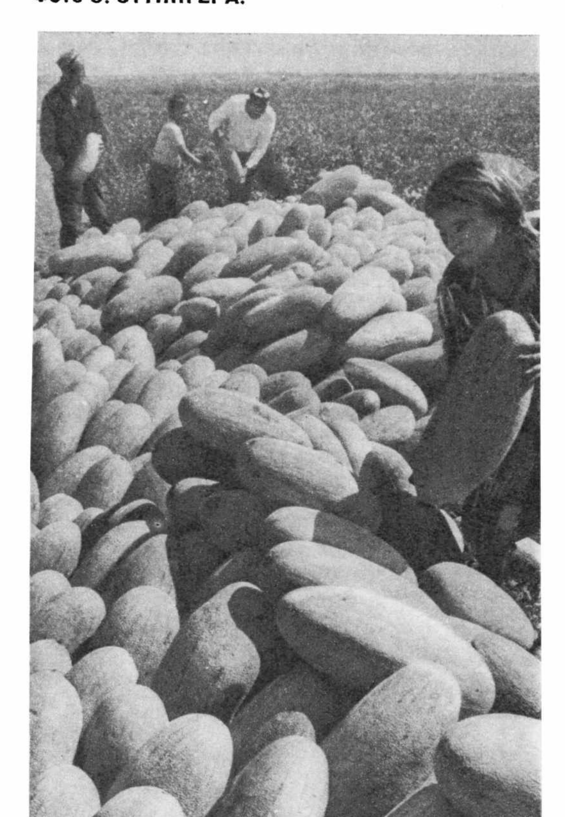
Заведующий отделом торговли, плановых и финансовых органов ЦК Компартии Узбекистана Адил Иногамович Ахунджанов познакомил нас с красноречивыми цифрами.

— Из шестисот пятидесяти тысяч тонн овощей, заготавливаемых в республике, более половины отгружается в центральные и северные промышленные города страны, на Дальний Восток,— сказал он.— Плюс десятки тысяч тонн фруктов... А бахчевых в этом году мы отправляем триста тысяч тонн! Это на сто тысяч тонн больше, чем было запланировано: добрый урожай, особенно в целинных районах. Только сырдарьинцы, например, вывозят более ста пятидесяти тысяч тонн бахчевых!

...Мчатся, торопятся к погрузочным площадкам автомашины, в кузовах которых виднеются плотные ряды дынных и арбузных голов,— «сладкие десанты» держат путь на север.

В. КОСТЫРЯ

Фото Э. ЭТТИНГЕРА.

24 СЕНТЯБРЯ —
ДЕНЬ МАШИНОСТРОИТЕЛЯ

ЕГО ДОРОГА

Она началась в родном городе, на берегу задумчивой, голубоокой Десны. На том же заводе, где работал строгальщиком и его отец. Тогда завод назывался паровозостроительным. Но кто знает, пошло бы у Юры все в жизни так, если б не было в ней легендарной дороги Абакан — Тайшет? На эту дорогу он попал по комсомольской путевке сразу после того, как отслужил в армии. Стройке героической юности нужны были такие крепкие парни, как он. И он поехал. Научился ставить серебристые опоры линии высоковольтной передачи, научился тянуть от опоры к опоре серебристые провода. Сначала было страшновато, но зато романтики хватало по горло. Работа понравилась. Горячая это была работа, настоящая, мужская. Испытание мужества, выносливости и стойкости. А потом пошло: теплоэлектростанции в Темир-Тау, Рудном, Балхаше...

Но больше всего посчастливилось Юре, считает он сам, что попал на далекую Чукотку. И не один, а со своим верным другом детских лет Толей Дворянчиковым. Край советской земли, суровое побережье Восточно-Сибирского моря, большой морской порт Певек... Специальная комиссия отбирала лучших электросварщиков. Им повезло. Разве они мечтали, что когда-нибудь окажутся на Чукотке? В Певеке друзья строили арктический причал. Впечатлений об этой стройке им хватит на всю жизнь.

Из Певека электросварщики вернулись в родной Брянск и прочно осели на родном машиностроительном заводе. Обзавелись семьями, детишки пошли. Но романтика, романтика впередиидущих для них не кончилась, а просто обрела другую форму.

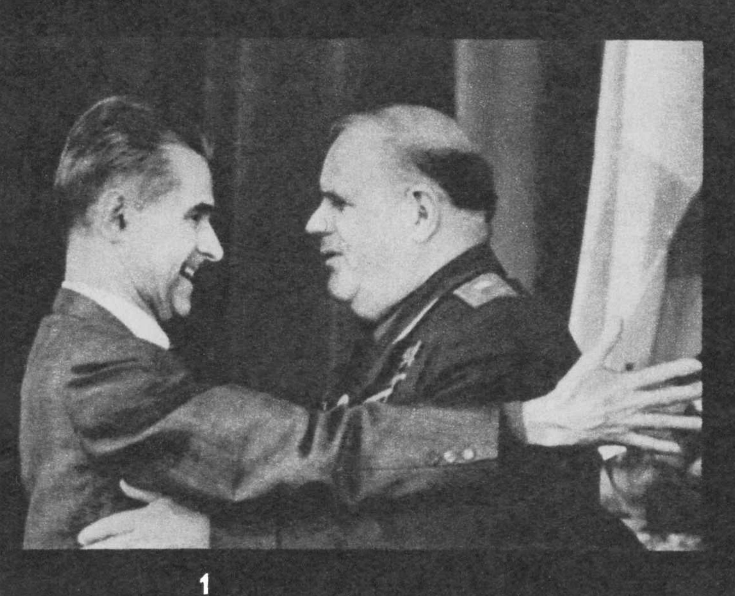
На Калининском проспекте в Москве, где расположено Министерство тяжелого, энергетического и транспортного машиностроения СССР, в почетной галерее лучших людей висит его портрет. Под ним написано: «Королев Юрий Леонидович, ударник коммунистического труда». На портрете он получился хмурый, будто решает какую-то трудную задачу и ответ выходит не такой, как надо. Перестарался для официального снимка. А в жизни, наоборот, улыбчивый, само радушие, мгновенно располагает к себе. Работает он легко и красиво, будто тоже улыбается. Но в каком темпе! Никто не может угнаться за ним. Разве лишь Анатолий Дворянчиков? Да, так же, как и в Певеке, друзья вместе. Даже ищут и изобретают усовершенствования в своем сварочном деле на пару. И оба опережают время. Коммунист Юрий Королев,— он первым на заводе освоил новый сварочный полуавтомат,— живет уже давным-давно в семьдесят третьем году. Это значит, что он выполнил свое двухлетнее задание. Девятой пятилетке Королев выдвинул свой встречный план: пять — в четыре! Клич его разошелся по всей области.

Если вы будете в концертном зале «Россия» на торжественном собрании, посвященном Дню машиностроителя, обратите внимание на темнорусого, коренастого, крепкого человека. Возможно, он будет сидеть и в президиуме. Это он, Юрий Королев, лучший электросварщик Министерства тяжелого, энергетического и транспортного машиностроения СССР. Впрочем, если вы обознаетесь и у человека, похожего на Королева, окажется другая фамилия, не огорчайтесь. У каждого, кто представляет здесь многомиллионную армию создателей машин, своя большая дорога на этот праздничный вечер.

Г. ВЛАДИМИРОВА

Электросварщик Юрий Леонидович Королев.
Фото М. Савина.

1

ВСТРЕЧА

В. ПОКРОВОВ

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Город-герой Волгоград встречал делегацию из Франции во главе с членом президентского совета общества «Франция — СССР» Р. Шмитленом, одну из самых, пожалуй, представительных за последнее время. В ее составе 160 человек: ветераны войны, участники движения Сопротивления, видные государственные и общественно-политические деятели. Среди них: Р. Маркье — член президентского совета общества «Франция — СССР», генералы М. Вален, Ф. Гамбьез, полковник А. Роль-Танги — один из руководителей парижского восстания в августе 1944 года, генерал П. Пуйяд — бывший командир авиаполка «Нормандия — Неман», ныне председатель группы франко-советской дружбы Национального собрания, Матильда Габриель-Пери — председатель Национальной ассоциации семей расстрелянных.

Посланцы дружественной Франции прибыли сюда, чтобы отдать дань 30-летию разгрома немецко-фашистских полчищ в Сталинграде и обсудить насущные проблемы европейской безопасности, укрепления мира и дружбы между народами всех стран. Эта благородная идея родилась по инициативе общества «Франция — СССР» и Национального комитета по празднованию 30-летия сталинградской победы. Именно эти организации явились выразителями общественного мнения широких слоев Франции.

Их добрый порыв нашел горячую поддержку советской общественности, в частности Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами, общества «СССР — Франция», Советского комитета ветеранов войны, Комитета молодежных организаций СССР, общественных организаций города-героя.

Три дня в Доме офицеров Советской Армии в торжественной обстановке проходила советско-французская встреча. С советской стороны приняли участие заместитель председателя президиума Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами Е. В. Иванов, один из президентов общества «СССР — Франция», академик АПН СССР А. Н. Леонтьев, председатель Советского комитета ветеранов войны, генерал армии П. И. Батов, ответственный секретарь этого комитета А. П. Маресьев и другие. Перед участниками встречи с докладом «Историческое значение Сталинградской битвы» выступил доктор военных наук, генерал-полковник Н. А. Ломов.

С трибуны представительного форума шел большой разговор о настоящем и будущем Европы, о судьбах человечества. Ветераны войны, участники Сталинградской битвы и французского Сопротивления, государственные и общественно-политические деятели двух стран подчеркивали, что взаимные визиты Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева и президента Ж. Помпиду заложили прочную основу для развития советско-французских отношений. Выражалась уверенность, что встреча на легендарной земле послужит мобилизации сил для осуществления принципов мирного сосуществования, укрепления мира в Европе и на других континентах.

2

1. Р. Маркье, член президентского совета общества «Франция — СССР», и Г. Н. Захаров, бывший командир авиадивизии, в которую входил полк «Нормандия — Неман».

2. Участники советско-французской встречи ветеранов войны на Мамаевом кургане. Слева бывший командир авиаполка «Нормандия — Неман» генерал П. Пуйяд.

3. Неугасимо горит Вечный огонь.

4. Генерал армии П. И. Батов рассказывает французским друзьям об исторической битве на Волге.

5. Полковник А. Роль-Танги, один из руководителей парижского восстания в августе 1944 года.

6. Автограф французского ветерана.

7. В. В. Алексеенко сражался в годы войны в рядах французских партизан.

8. Здесь советские воины стояли насмерть.

9. Французские ветераны в гостях у самодеятельных артистов Волгограда.

4

5

3

НА ВОЛГЕ

6

7

8

9

Рисунок
А. Яр-Кравченко

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. О. АУЭЗОВА

«ВЫЗЫВАЯ СВОИМ ДЫХАНИЕМ ОГОНЬ»

Аян НЫСАНАЛИН

Большие таланты всегда принадлежат народу. Такой же удел пал на долю Мухтара Омархановича Ауэзова, выдающегося советского писателя. Он был большим художником нашего времени, оставившим за сорок с лишним лет творческой биографии богатое наследство, в котором щедро раскрыт огромный духовный и художественный мир казахского народа.

Двадцатилетним юношей Мухтар Ауэзов написал прелестную пьесу о трагической, но возвышенной и прекрасной любви двух молодых людей — «Енлик-Кебек». Ею впервые открыли занавес национального театра, и до сих пор эта пьеса не сходит со сцены театров республики, находясь в постоянном их репертуаре.

М. Ауэзов родился и вырос на поэтической земле Абая. Литературная школа, созданная великим казахским поэтом, своей доброй традицией повлияла на становление душевного склада молодого Мухтара. Студенческие годы, проведенные им в Ленинградском университете, были временем приобщения к всемирной культуре, в том числе русской.

Появление ранних рассказов Ауэзова стало заметной вехой на пути становления казахской советской литературы, одним из основоположников которой является он сам. В центре этих произведений — острые проблемы молодой республики в период экономических и социальных преобразований. Ауэзовская проза малого жанра последующих лет посвящена стойким людям, строящим новую жизнь в Казахстане. Драмы «Карагоз», «Айман-Шолпан», «Зарницы», «Кобланды», «Абай» (совместно с замечательным русским писателем Л. Соболевым) — яркое явление казахского сценического искусства.

В казахской советской литературе тридцатых годов нет такого жанра, которого не коснулось бы вдохновенное перо Ауэзова. Его кипучая деятельность была многогранна. Не ограничиваясь рамками только национальной литературы, М. Ауэзов начал изучать киргизский «Манас» — изумительное сокровище прошлого. Он мастерски переводит русскую и мировую классику: «Отелло» и «Укрощение строптивой» В. Шекспира, «Ревизор» Н. Гоголя, «Дворянское гнездо» И. Тургенева, «После бала» Л. Толстого, «Любовь Яровую» К. Тренева,— пишет страстные статьи о братских казахско-русских литературных связях.

Все это было как бы подступом к трудной абаевской теме, знакомой автору с детства. Освоение ее началось с рассказа «Песня Татьяны в степи», опубликованного в 1936 году. Абай интересовал Ауэзова не только как прекрасный поэт, но и как историческая личность, дерзнувшая поднять свой народ из мрака, как властитель дум, живое олицетворение самых возвышенных чувств. Загляните в творческую лабораторию писателя, и вы убедитесь, какой титанический труд он проделал.

«...Читать о прошлом приходилось в потускневшей, ослабнувшей памяти моих престарелых собеседников,— писал он в автобиографии.— Многое приходилось оживлять своими догадками, расшифровывать путем сопоставления с рассказами других современников Абая. С этими воспоминаниями приходилось обращаться бережно и осторожно: так запоздалый путник, отыскав в пепле костра, оставленного давно ушедшим караваном, тлеющий уголек, бережно и осторожно раздувает его, вызывая своим дыханием огонь».

Магическую мощь и силу ауэзовского таланта ярко показывает роман-эпопея «Путь Абая», где создана большая галерея образов народных героев, среди которых возвышается огромная фигура основоположника казахской письменной литературы. Образ Абая словно изваян Ауэзовым из монолитного гранита.

Роман-эпопея «Путь Абая» — замечательное явление советской романистики, крупное полотно, охватывающее полстолетия кочевой жизни казахов во всех ее пластах. За это произведение автору заслуженно присуждаются Государственная и Ленинская премии. Выдающийся выразитель народных дум, Мухтар Ауэзов проник до глубины человеческих сердец и с потрясающей правдивостью показал стихию степи во всем ее величии.

Ауэзовская традиция в казахской советской литературе жива и будет жить. Каждый год в конце декабря в Казахском государственном университете, где Ауэзов долгие годы преподавал, собирается молодежь столицы, чтобы отдать дань уважения Мухтару-аге, своему устазу — наставнику. Ведь он так тепло заботился о литературной смене, напутствуя и поддерживая молодые таланты!

Несомненно, Ауэзов оказал огромное влияние на развитие не только казахской литературы, но и всей советской и особенно среднеазиатской. Об этом красноречиво говорит большой советский писатель Чингиз Айтматов: «...на формирование современной среднеазиатской художественной мысли и духовной жизни наших советских народов Ауэзов оказал такое же влияние, как в свое время Пушкин на развитие русской культуры».

Мухтар Ауэзов сочетал в себе многие прекрасные качества — писателя и ученого, драматурга и поэта, оратора и общественного деятеля. Все это вызывало к нему душевное расположение. Его дружба с Леонидом Леоновым, Николаем Тихоновым, Леонидом Соболевым, Самедом Вургуном, Берды Кербабаевым, Олесем Гончаром и Вилисом Лацисом отнюдь не только литературная, а прежде всего духовная близость, родство ярких талантов.

Мне вспоминается встреча М. Ауэзова с почитателями его таланта, состоявшаяся весной 1960 года, сразу же после возвращения из Америки, где он был в составе советских писателей, представляя нашу многонациональную и интернациональную литературу. Большой конференц-зал Академии наук Казахской ССР поместил далеко не всех желающих попасть туда. Академик Ауэзов выступал, как всегда, не торопясь, с присущим ему ораторским даром. Он не хулил бранными словами заокеанскую буржуазную жизнь, а путем убедительных доводов блестяще доказал преимущество социалистического общества, в котором мы живем единой семьей.

Потом начались поездки по стране. После завершения исторической эпопеи — результата пятнадцатилетнего неутомимого труда — Мухтар Ауэзов задумал создать грандиозный роман о современности.

Роман «Племя младое», к сожалению, остался незаконченным. В него Мухтар Ауэзов хотел вложить свои сокровенные мысли о молодом племени человечества, беспокоившие его все чаще и чаще. В этом произведении он создал правдивый образ партийного работника наших дней Нила Карпова, мыслящего в государственном масштабе. С ним рядом, плечом к плечу, выступает молодая казахская женщина Асия.

Вот уже одиннадцать лет нет среди нас дорогого писателя. Но ауэзовская чинара, гудящая под ветром времени, высится на нашей земле своими могучими ветвями, протянутыми в завтра, в век юности человечества.

Алма-Ата.

М. Кенбаев (Алма-Ата). ЛОВЛЯ ЛОШАДИ.

Н. Ханин (Душанбе). ПРАЗДНИК УРОЖАЯ.

Г. Абдурахманов (Ташкент). СВАДЬБА.

ИСТОКИ ТВОРЧЕСТВА

К 50-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
СЕРГЕЯ ВИКУЛОВА

Крестьянский сын, Сергей Викулов начал постижение мира с деревенской избы. По поводу своей генеалогии у поэта есть чеканные стихи, полные гордости за свой род, за свою Родину:

Оглядываюсь с гордостью
назад:
прекрасно родовое древо
наше!
Кто прадед мой? — Солдат
и землепашец.
Кто дед мой? — Землепашец
и солдат.
Солдат и землепашец мой
отец.
И сам я был солдатом,
наконец...

Естественно, родительская наука была такой же простой, каким был весь уклад деревенской жизни. Отец считал, что дорога сына должна быть, как и его дорога, к земле. С первых постигнутых слов сын усвоил главное: «Хлеб — это жизнь... он всему голова... Хлеб существует не сам по себе — его родит земля».

Сергей Викулов рос на «земле заволоцкой», как в старину называли Вологодчину, потому что была эта земля "за волоками», за глухими лесами, за топями и болотами... Он рос недалеко от Белозерска — одного из древнейших русских городов, где «что ни изба — то деревянное чудо, что ни человек — то красовитое слово». В Белозерье, Заонежье, Беломорье уходят мощные корни русской народной культуры. Там образовывались и складывались центры тонких ремесел и народных искусств. Там и сейчас еще работают мастера Каргополя и Холмогор, вологодские кружевницы и двинские корабельщики. Там хранятся сокровища древнерусского деревянного зодчества и древнерусской деревянной скульптуры. Там искрящаяся изустная народная речь, многолетние напластования фольклора — сказки, былины, песни, частушки, поговорки. Будущий поэт еще в детстве впитывал самобытный говор деревенских сказителей, песельниц, плакальщиц, залихватский гул сельских сборищ, празднеств. Этот бесценный «языковой материал» стал лексической и поэтической основой его творчества.

Первое стихотворение Викулова было опубликовано перед войной.

Сергей Викулов — сын своей страны, стойкий солдат: «во времени» — с начала декабря 1941 года до победного дня; «в пространстве» — от Волги до Дуная. Командир зенитной батареи, а затем помощник начальника штаба полка, коммунист Викулов освобождал Украину, Румынию, Болгарию, Венгрию, Югославию, Австрию. На фронте в 1942 году вступил в партию.

Но война для Викулова не стала началом становления поэтического зрения. Разведка «поэтического пути», нащупывание темы, словаря, интонации, ритмики у него начнутся лишь после войны. Характерно, что через десять — пятнадцать лет после Победы и до настоящего времени Викулов снова и снова возвращается к войне и смотрит на нее «не изнутри», а со стороны глубокого тыла — колхозной деревни, которая огромным перенапряжением труда женщин, стариков, подростков помогала ковать Победу.

В пятидесятые годы мужает викуловский лирический герой. Он предстает как кровный сын страны, как хозяин, труженик, защитник. Ему все дорого, все сердцу близко. У него все в памяти и обо всем душа болит. И этот герой близок нам прежде всего тем, что он коммунист. Коммунист по смелости своих помыслов, по размаху души, потому что любит окружающих людей и непримирим к врагам. Лирический герой последних викуловских книг не может без борьбы, без тревог, ему чуждо такое «счастье». Его юность отгорела в канун Великой Отечественной войны, он закалился в горниле сражений, прошел вместе со страной большой и сложный путь. Это человек мужественной и сильной души, принимающий жизнь со всеми ее радостями и печалями. Естественно, он обретает высокое моральное право говорить с самой Советской Россией:

Ты иная сегодня. Ты в
космос врубилась...
Но и громом ракетным
встречая свой день,
я хотел бы, Россия, чтоб ты
не забыла,
что когда-то ты вся началась
с деревень.

У нас и в критике и в обиходе нередко можно слышать: этот поэт — деревенской темы, этот — морской, этот — армейской. К счастью, настоящий поэт — просто поэт. Везде он воспринимает мир образно. А настоящим мы его называем тогда, когда видим, что для него нет образности ради образности, мысли ради мысли, слова ради слова и что главное в его поэзии — радость и боль Человека, Земли, Родины. Таков Сергей Викулов.

Он развивается и как лирический и как эпический поэт. Им написано несколько поэм. Главные из них: «Трудное счастье», «Преодоление», «Окнами на зарю», «Одна навек». Поэмы Викулова очень самобытны. Лаконичные, всегда с четким, а иногда и острым сюжетом, они, как и его стихотворения, посвящены сельскому хлеборобу. В своих эпических произведениях Викулов исследует пути развития деревни, живописует изменения в психологии сельских тружеников.

От прочтения сегодняшнего Викулова остается глубокое впечатление. С одной стороны, никакой стилизации (в чем раньше его упрекали), никакой позы горожанина (он давно москвич) в изображении деревни и ее людей. С другой стороны, житель современного города, читая Викулова, отнюдь не чувствует себя за околицей. Причина этому в проникновении автора в глубинные основы жизни. Поэт находится в пограничной зоне двух сред: городской и сельской. Будучи чутким к обеим средам, он отражает важнейшие коммуникации, связывающие современные город и деревню. Поэзия Сергея Викулова — добрый, мудрый и душевный собеседник нашего современника. Вот уже несколько десятков лет она ведет доверительный разговор с людьми о главном и дорогом в нашей жизни. Поэт перешел рубеж пятидесятилетия, сохранив всю свежесть и плодоносность своего крупного таланта.

М. ЛАПШИН

Сооронбай **ДЖУСУЕВ**

НАША ДРУЖБА

Подружился навсегда с казахом,
Не за бешбармаком в белой чаше,
Не за белой пиалой с кумысом
Наша дружба наполнялась
смыслом.
Ведь знакомство состоялось наше
Не за милой мирною беседой,—
Подошел к казаху я, соседу,
В блиндаже, среди болот и снега,
Пуль свистящих, взорванного неба.

Подружился навсегда с казахом.
По врагу стреляли, стоя рядом,
У костра сидели двое рядом.
Помогали каждый раз друг другу,
Табаком делились мы и кашей,
Как одну протянутую руку,
К котелку тянули руки наши,
Радовались каждой дымной ложке
Пшенной каши, плотной,
как лепешки.

Подружился навсегда с казахом
Не за пышным пиром, как велит
нам
Наш обычай древний — двум
джигитам.
Не дарил парчового халата,
Ни коня
И щедростью не хвастал,
Чтобы вызвать гордость у собрата
И азарт.

Бесценное богатство —
Дружбу обрели мы под метелью:
Укрывал меня своей шинелью,
Раненого. И на поле брани
Рану я перевязал казаху.
Много нам досталось испытаний.
В госпитале, беспросветно белом,
Пахнущем карболкою и мелом,
С инеем на окнах, в марле белой,
В госпитале, будто поседелом,
Оказались мы в одной палате,
И стояли рядышком кровати.
Подружился навсегда с казахом,
И не знает наша дружба страха.
Ничего она не устрашилась,
Сколько крови видела, беды,
На войне навеки закалилась,
Сладостны теперь ее плоды.

Перевел с киргизского
Г. Корин.

ХИРУРГ

Вадим КОЖЕВНИКОВ

Рисунок П. КАРАЧЕНЦОВА

В санбат прибыл армейский хирург, полковник медслужбы Иван Яковлевич Селезнев.

С яростным ожесточением он мыл руки, оттирая их щеткой так, словно пытаясь содрать с них кожу. Потом протянул руки медсестре, дал ополоснуть их спиртом и покорно ждал, пока высохнут, пока сестра натянет на них резиновые перчатки. Сквозь марлевую повязку он глухо говорил:

— Когда не было анестезирующих средств, оперируемого привязывали ремнями к столу или к койке с высокими ножками и давали жевать специальную толстую подошвенную кожу, дабы не ломал зубы от сильного жима челюстей. С анестезией началась новая эпоха хирургии.

Подняв высоко руки, словно сдаваясь кому-то в плен, он вошел в операционное отделение, склонился над столом, воскликнул радостно и приветливо:

— Майор Пугачев! Здравия желаю! Ну-с, чего вы тут над собой натворили?

Властными, точными движениями исследуя раны, говорил беспечным голосом:

— Для армейского хирурга даже не по чину такая работа, ерундистика для начинающего. Да что вы ежитесь? Возможно, пальцы холодные? Или от щекотки?

— Оставьте мне ногу,— сипло произнес Пугачев.— Не дам отрезать. Не дам!

— Аполлон! — говорил восторженно Иван Яковлевич.— Вот это — телосложение! Бог. Спортом занимались?—И быстро швырнул что-то окровавленное, сырое в эмалированный белый таз, воскликнул: — Ну что вы! Я туалет только навожу, а вы кряхтите, как маленький. Самая страшная и нестерпимая боль, это я вам честно доложу, когда зуб рвут. Маршалы, и те плачут. Больной зуб — это высшее наказание, страдание человечества. Извините, кажется, задел! Здесь чувствительно? И хорошо, что чувствительно! Просто замечательно! — И снова бросил что-то окровавленное.

— Я все стерплю. Только ногу, ногу мне оставьте! — прохрипел Пугачев.

— А на черта мне сдалась ваша нога! — вдруг грубо оборвал Иван Яковлевич.— У меня своих две. Вот личико ваше — тут придется ради полной красоты пластическую, косметическую ради ваших девиц и дам постараться.— Заявил с достоинством: — Сейчас хирургия все может! Желаете нос с горбинкой — пожалуйста!

— Рожа пускай остается калеченной, хрен с ней, с рожей,— хрипел Пугачев.— Нога! Вы мне ногу оставьте!

Иван Яковлевич указал глазами сестре, она быстро возложила на лицо Пугачева маску. Включила шланг.

Пугачев замотал головой, сбросил металлическую полумаску.

— Усыпить, чтобы ногу отхватить, втихую. Не позволю! — Пугачев приподнялся и сел.

— А вот я тебе сейчас дам по скуле.— Иван Яковлевич поднес к лицу Пугачева обрезиненный кулак.— Меня серьезные раненые ждут. Брошу и не буду с тобой канителиться. Ложись, говорят!— И выругался.

Пугачев, ошеломленный, покорно лег и позволил, покоренный, возложить маску.

Выждидая, Иван Яковлевич заметил восхищенно:

— Каков, а! Хулиган! И энергии сколько! Десять тонн взрывчатки минимум в одном человеке.

Приподнял и опустил бережно безвольную, ослабевшую руку Пугачева. Лицо стало строгое, озабоченно-суровое. Приказал сестре:

— Подай скальпель, зажимы, тампон... Еще тампон...

Когда Пугачева вынесли в послеоперационную, Иван Яковлевич снова с таким же ожесточением мыл руки, повторяя все сызнова, вошел в операционную со вздетыми ввысь руками и снова, склонившись, заявил удивленно:

— Капитан Лебедев, и вы пожаловали наконец-то! А я все думал, когда он навестит по личным надобностям.— Спросил осуждающе: — Что это у вас за симметрия такая — и в ручки и в ножки? Распинал вас кто, что ли? Не от гвоздиков, сквозное, малый калибр. Косточки сейчас проверим. Уверяю, человек — высшее творческое произведение природы. Почему? А вот — совершенство конструкции. Всего в наличии 228 костей, а как гениально все продумано, слажено! Повезло вам, голубчик. Вот с лейтенантом Петуховым пришлось мне попотеть, наломал себе дров, и все сложные переломы. Но молодой, срастется. Я ему так и сказал. Ремонтно-восстановительная мощь организма. Теперь все. Лежите, но не залеживайтесь. Лечебная физкультура. Постепенно, помалу. И вполне футболист! — Склонился, спросил:— Может, прикажете усыпить?

— Нет,— сказал Лебедев.— Выдержу.

— Верю! — согласился Иван Яковлевич.— В сущности, вы правы. Зато потом ни рвоты, ни тошноты. На каком вашем тайном геройстве изволили пострадать? Да я же так, для разговора. Отвлекает. У меня тут один боец с весьма сложным ранением. Чрезвычайно интересный случай. Пробита грудная клетка, и представьте — чем? Колом от проволочного заграждения. Так с колом он и приполз. Ну, я извлек. Потом повторно оперировал. Оказалось, еще слепое ранение. А он, знаете, смущался, что я много им занимаюсь, говорит: и так заживет, а тут другие вас дожидаются. Ну, я к Юрию Владимировичу. Так и так, по мне герой. Здесь ему и вручили орден. Так он на нижнюю рубашку нацепил. И все на орден глаза косит. Психотерапевтический эффект от ордена был великолепный. Полагаю, что ордена именно в госпитале надо вручать — оздоровляет. Вам как, за это самое, очевидно, тоже пожалуют? — осведомился самодовольно.— Что? Здорово я вам зубы заговорил? Все! Как парикмахеры говорят: «Будьте любезны, заходите, не забывайте!»

И еще Лебедева не вынесли со стола, крикнул зычно:

— Давайте нового!

И вышел снова скоблить щеткой руки так жестоко, словно поставил себе задачу содрать с них кожу.

Он только под утро кончил оперировать. Обнаженные по локоть руки его налились толстыми синими венами, как у землекопа или каменщика после тяжелого, длительного труда.

Усевшись у входа в палатку на вынесенный стул, раздвинув ослабевшие ноги, он курил, вздыхая, ворот расстегнут, потные волосы слиплись, под мышками влажные, темные пятна.

Приехал генерал Лядов.

Молча поздоровались.

Иван Яковлевич сказал сердито:

— Воюете, а мне вот за вами людей чинить! На ноги ставить! Приехали, верно, хвастать — сражение выиграли! — Мотнул головой на палатку.— С такими людьми да не выиграть! Тоже мне новость.

Лядов опустился рядом со стулом на землю, вытянул ноги, оперся на локоть, спросил:

— Что такой сердитый?

— А то! Если б стонали, выли, а то молча терпят. А у меня у самого от этого молчания брюхо к спине прилипает. Знаю — сверхболезненно. Но паясничаю, развлекаю! Ерничаю! Грублю! Как, по-вашему, легко это на своей совести все волочить?

Лядов помолчал, вздохнул:

— Что касается меня, то я, откровенно, не смог бы.

— Вот! А я — командовать, зная, как это потом выглядит.

— Значит, у каждого свое.

— Ну уж это, извините. Считаю, тоже воюю! Знаете, был случай. Принесли немца. Тяжелое ранение. А у меня очередь тяжелых. Вышел, спросил их: как? Сказали: валяйте с него. Пусть знает: мы не они.

— Вы бы записки врача писали,— посоветовал Лядов,— как Вересаев.

— И пишу! Пишу, но только научные. Без беллетристики. Материал ценнейший и для будущего. Он кто — Вересаев,— терапевт?

— Какого будущего? Новая война?

— Зачем! На нашем опыте хирурги могут потом почти воскрешать при самых тяжелых травмах. Победить клиническую смерть — разве это не высшая цель? И победим!

Лядов сказал уныло:

— Верховный в приказе объявил благодарность генерал-лейтенанту Белогривову, войска которого прорвали фронт противника на всю оперативную глубину и сейчас вместе с моей дивизией завершают окружение значительной группы врага. В Москве его дивизии — салют.

— А вам?

— Командующий армии пожал руку, выразил по-дружески признательность и глубокое уважение.

— Ну, от меня тоже.— Иван Яковлевич дотронулся до вялой руки Лядова, спросил: — Вы что, обижены?

— Ничуть! — встрепенулся Лядов. Встал.— Белогривов организовал прорыв в высшей степени мощно и неотвратимо.

— Но, конечно, то, что наша дивизия действиями, своей разведоперацией, боем отвлекла на себя значительные подвижные силы противника и облегчила прорыв всего его фронта, операцией, я бы сказал, изящной и точно продуманной, это приятно.

— Войдет в анналы?!

— Во всяком случае, для военного искусст-

Глава из нового романа «В полдень на солнечной стороне». Полностью роман будет опубликован в журнале «Молодая гвардия».

ва представляет некоторый интерес, не для историков, а для курса тактики, весьма возможно.

— Вклад в науку — это всегда хорошо! — солидно заявил Иван Яковлевич.— Я вот тысячи оперировал, но из них есть десяточек весьма поучительный, просто сокровище. Горжусь.

— Я тоже,— сказал Лядов.

— А чего вам еще? Герой! Куда выше?

— Как Пугачев? — спросил Лядов.— Я ведь, собственно, к нему. Высшая награда!

— Высшая! — сердито сказал Иван Яковлевич.— Полстопы я ему пока отнял. Сэкономил. А может, следовало всю! Очнется, приду, а он такой, может и по морде, скажет: отдай обратно. Протезом разве вернешь?

— Значит, что ж, вчистую?

— Какой быстрый! — рассердился Иван Яковлевич.— Я еще с ним поканителюсь. Сохраню солидный кусок. Если, конечно, сепсиса не будет. А в крайнем случае в чем дело? Кутузову без одного глаза императрица войсками доверила командовать. А уж она в генералах как разбиралась, имела, так сказать, широкий кадровый выбор. А вы хромому доверить не захотите. Это уж извините! Я командарма дважды резал. Кое-чему он мне обязан. Скажу — давай гонорар! Назначай на полк хромого Пугачева! А после он еще подумает, через пару десятков лет — оставлять вас, таких, в кадрах или списывать на пенсион!

— Приказ уже есть — о повышении в звании,— сказал Лядов.— Если вы подтвердите возможность, может вступить в должность после излечения.

— Подтверждаю! — сказал Иван Яковлевич.— Устно и письменно, с приложением оттисков всех своих пальцев и печати.

— Значит, не заходить к нему?

— Дрыхнет, и пускай дрыхнет. А то опять начнет кидаться за ногу. Не буду же бинты снимать, доказывать — кое-что солидное же осталось.— Предложил: — Может, к Лебедеву зайдете? Он без анестезии, железный.

— У него там связистка, Коровушкина,— сказал Лядов.

— Запрещено! — возмутился Иван Яковлевич.— Но пусть, в порядке исключения.

— Но я вам еще одну привез, к Пугачеву.

— Ну уж это извините! У меня тут не детская больница. Папы-мамы-тети-дяди!

— Она с ним все время в бою была.

— А мне плевать — где, когда, кто. Заносят инфекцию. Вот я ему за это и отрежу всю конечность. Так ей и скажите. Или она, или конечность.

— Тут еще ротный Петухов?

— Эвакуировали в тыл. В армейский госпиталь, а может, уже во фронтовом.

— У него большие заслуги. Огонь вызвал по скоплению танков и на себя.

— Представили? Ну и хорошо.

Подошла Нелли Коровушкина, остановилась против Ивана Яковлевича, скорбно, но твердо посмотрела ему в лицо.

— А это еще что за видение? — спросил Иван Яковлевич Лядова.— Ваше протеже? Физиономия ничего, как у скорбящей мадонны. Только чтобы у мадонны звание сержанта — это уже модерн.

— Я хочу видеть майора Пугачева.

— Ошиблись, голубушка,— сказал Иван Яковлевич,— нет уже майора. Подполковник под такой фамилией имеется, но не для вас. В запретной, недосягаемой зоне. Доступ запрещен.

— Он жив?

— А мы покойничков не держим. Каждая койка на счету.

— Он будет жить?

— Это даже неприлично,— упрекнул Иван Яковлевич.— Я над ним потел, маялся, а вы, извините, так неуважительно! Что я, время на него зря бы тратил! У меня своя профессиональная гордость! Взялся — значит, уверен. Только вот за физиономию его не ручаюсь. Может, и не тае...

Нелли склонилась, быстро поцеловала Ивана Яковлевича:

— Спасибо. Вы такой замечательный!

Иван Яковлевич ошеломленно, растерянно озирался, спросил Лядова:

— Она что, всегда такая ненормальная? Может, что-нибудь успокаивающее дать?

— Пугачева! — улыбнулся Лядов.

— Тут дудки — никак.

Иван Яковлевич встал со стула. Предложил Нелли:

— А ну, сядьте. Хоть я и старше вас по званию, но вежливость и королям рекомендуется.— Положил руку на плечо, сказал твердо и решительно: — Вы для меня не девица с этими ресницами вашими и всем прочим, а вредный и опасный нервно-возбудительный фактор для только что оперируемого. Его на данном этапе будет целость собственной стопы волновать, а если мне не изменяет способность к психологии, то состояние его физиономии может превалировать над стопой, как только появитесь вы. Поэтому прошу, пока все со стопой не уладится, ваш визит исключить. Письменно общение не запрещаю. Все!

Нелли постояла молча, потом понуро побрела к машине.

Иван Яковлевич вздохнул:

— Придется с его физиономией теперь основательно повозиться. Хотя эти пластические операции не люблю. Копотня. Вроде как лоскутное одеяло шить на ощупь.— Зевнул.— У вас больше ничего ко мне? Пойду, завалюсь минуток на шестьдесят.— Помедлив, удерживая руку Лядова, сказал наставительно:— Юрий Владимирович, рекомендую решительно: в случае чего ни минуты не задерживаться. Чем раньше ко мне попадете, тем мне все облегчите. А то, знаете, вы, генералы, при любых ранениях полагаете, что без вас бой не состоится, а потом пребываете в чем душа. Если свежак, у него и силенок побольше, и работать на нем спокойнее, приятнее. И то всякие причиндалы приходится включать, и кровь в вену, и сердце массировать, пульс чуть, дыхание, как у новорожденного. Все это хирурга отвлекает, беспокоит. Если о себе не думаете, то хоть о нас. Тоже ведь люди.

— Хорошо! Обещаю! — сказал с улыбкой Лядов и крепко пожал Ивану Яковлевичу руку.

Когда машина тронулась, Нелли сказала, обернувшись к Лядову:

— Знаете, я решила выйти замуж.

— Да? — произнес безразлично Лядов, погруженный в свои мысли.

— И не потому, что я жалею его сейчас, таким.

— Мотив для брака — жалость? Неосновательный,— буркнул Лядов.— Впрочем, как вам угодно.

Высадив Коровушкину в бывшем расположении узла связи, Лядов приказал шоферу ехать на КП. Саперы ремонтировали дорогу. Дорога шла мимо многополосных оборонительных укреплений, прорванных дивизией Лядова, лесом, расщепленным, обезглавленным, поваленным огнем артиллерии. Дорога пересекала то пространство, где было поле боя, изъязвленное разрывами снарядов, до сих пор остро, едко пахнущее остывшим, пропитавшим землю пороховым газом, потом мимо возвышенностей, где располагались недавно опорные пункты противника, проходила через железнодорожную станцию, где дорожники, звеня инструментами, восстанавливали рельсовые пути, инженерные подразделения.

Мощные тягачи растаскивали завалы, и один из них волок на тросе обезглавленный, в копоти, в опалине наш танк.

Дорога шла мимо водонапорной башни с осевшей кровлей и затем снова лесом, мимо огромного, с зубчатыми стенами монастыря с высокой граненой башней с остроконечным шпилем над узкой конической кровлей, покрытой черепицей, словно бурой чешуей.

С погашенными огнями шли длинные колонны грузовиков с боепитанием, подразделение танков, артиллерии, реактивных минометов с покатыми рамами, затянутыми брезентом.

Дорогу охранительно баражировали ночники-истребители. Они глухо, с посвистом мелькали в небесном пространстве, как призраки.

Сегодня на рассвете Белогривов прибыл на КП Лядова торжественный, счастливый. Двое бойцов вынесли из машины что-то длинное, бережно обернутое красным полотнищем.

Приказав развернуть, Белогривов произнес с волнением:

— Это тебе, Юрий Владимирович, от всей нашей дивизии в знак, ну, сам знаешь чего.

Солдаты развернули красное полотнище.

На полотнище лежал полосатый пограничный столб, сломанный у основания. У основания торчала серая от времени щепа. Краска на нем выцвела, один бок столба отсырел и был темен.

Белогривов опустился на одно колено, склонился, коснулся губами столба, встал, сказал:

— Группа разведки уже вышла на государственную границу. Они его и доставили. Мы посоветовались, решили: тебе, твоей дивизии.

Лядов обнял Белогривова, сказал, задыхаясь:

— Прости, Степан. Завидовал, как солдат, понимаешь.

Белогривов затряс крупной седой головой, прижался рыхлой щекой к груди Лядова, сказал хрипло:

— Счастлив! Не тем, что довелось стать во главе главного удара, а вот этим нашим всеобщим. Дошли! Счистили с нашей земли! Навечно! И нет выше нам с тобой награды, чем это.

Он еще раз опустился на колено и нежно положил свою ладонь на пограничный столб.

РЕКОНСТРУКЦИЯ НИЖНЕГО ТАГИЛА

...Ленина. Старые деревянные дома уступают место каменным, многоэтажным.

...на огромной площади раскинется парк культуры и отдыха. Со временем здесь будет создан и ботанический сад. Парки украсят все шесть районов города. Зеленые зоны отделят промышленные районы от жилых кварталов.

Будет реконструирован городской транспорт. Система транспортных колец свяжет разбросанные на большой территории жилые и промышленные районы. Некоторые районы будут соединяться с центром не только трамваями и автобусами, но и электропоездами.

Перестраивается и центр города. На улицах Ленина, Пархоменко и других на месте одноэтажных деревянных домов скоро вырастут 3-, 4- и 5-этажные. Создается центральная площадь с монументальными зданиями театра и Дома Советов. Бульварная магистраль соединит центральную площадь с вокзалом и новым районом «Красный камень».

Генеральный план реконструкции Нижнего Тагила предусматривает проведение в городе больших санитарно-оздоровительных работ (благоустройство прудов и набережных, расширение водопровода и канализации). Будет построено новое водохранилище.

Реконструируются пригороды Нижнего Тагила. В живописной местности, недалеко от Черноисточинского пруда, уже построены санатории, дома отдыха, пионерские лагери и дачные поселки. Здесь проводят свой досуг трудящиеся этого большого промышленного центра Урала.

Утверждая генеральный план реконструкции, Совет министров РСФСР точно определил очередность работ. Нижний Тагил скоро станет одним из самых благоустроенных городов Урала.

Такие дома будут построены на Раздельной улице.

КОММЕНТАРИЙ К БИОГРАФИИ

Б. СМИРНОВ, фото М. САВИНА специальные корреспонденты «Огонька»

1948 год. В № 23 «Огонька» была опубликована заметка, в которой говорилось о генеральном плане реконструкции Нижнего Тагила. 24 года в жизни любого города — отрезок не столь уж большой, но, как оказалось, весьма емкий.

Мы взяли старые справочники и сравнили их с последними данными. 563 новых города появилось за эти годы в СССР! Оговоримся — цифра приблизительная: самые свежие справочники устаревают очень быстро. Читаем последние газетные сообщения: в Белоруссии образован новый город Барань, на Украине — Суходольск, в Узбекистане — Ширин. Городами становятся разросшиеся поселки, появляются города и в новых, необжитых местах — Братск, Навои, Дивногорск... Вскоре, вероятно, статут города получит и поселок Усть-Илим.

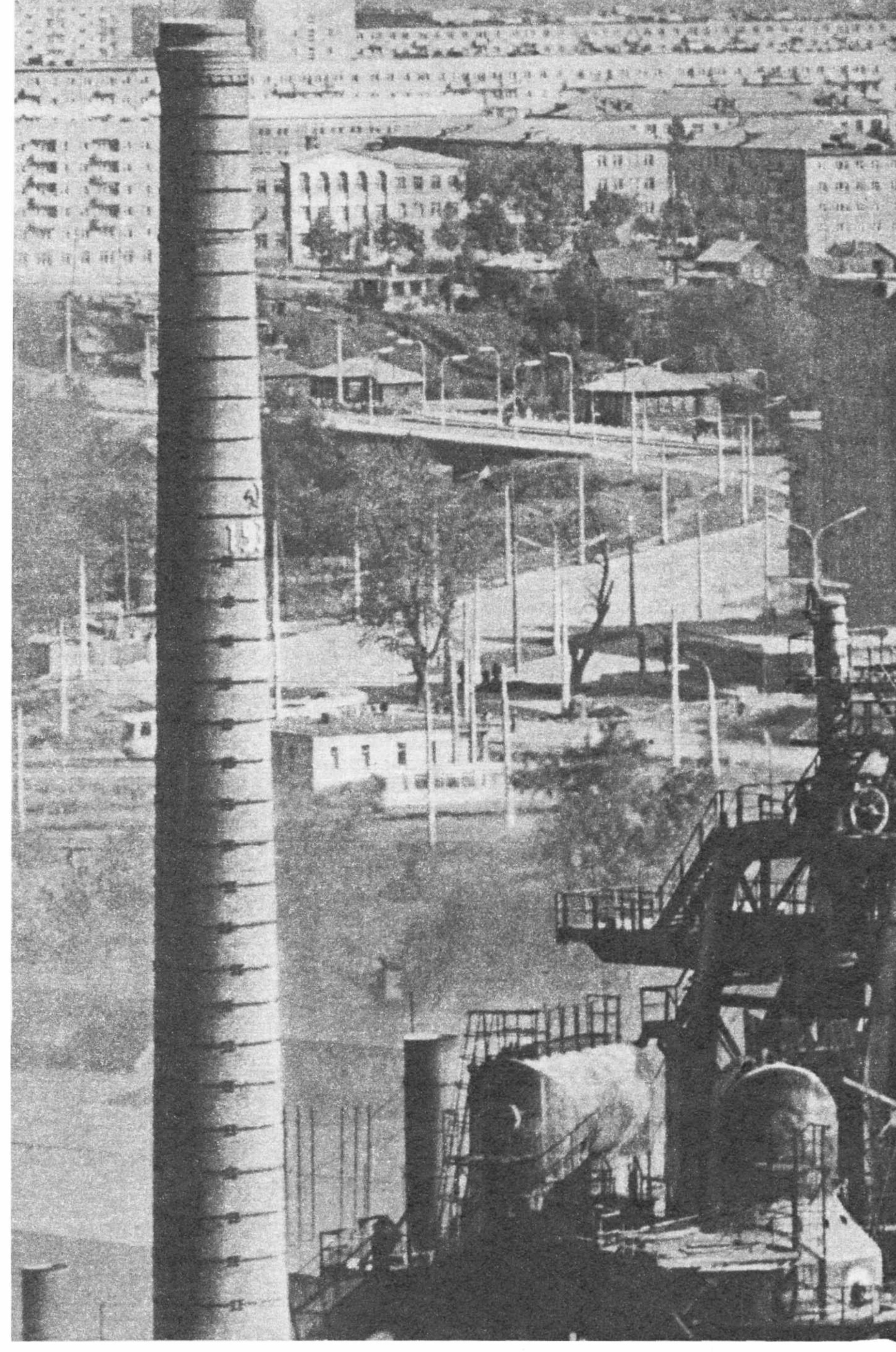
За эти же годы сотни советских городов совершенно изменили свой облик. Мы связались с проектными институтами Москвы и Ленинграда, разрабатывающими генеральные планы реконструкции городов. Сейчас их плановое преобразование идет широким фронтом — от столицы до районных центров. Совсем недавно, например, такие планы утверждены для Краснодара, Кемерова, Вязьмы, Сухиничей...

Мы решили пойти по следам старой заметки в «Огоньке» и отправились в Нижний Тагил. Главный архитектор города Владимир Иванович Солтыс внимательно прочитал заметку и сказал:

— С планом реконструкции Нижнего Тагила 1947 года я знаком. Предыстория его такова. В свой советский период город вступил, полный противоречий, присущих промышленным городам царской России: отдельные роскошные особняки в центре — и нищие рабочие окраины; чрезмерная скученность заводских поселков — и большая их отдаленность друг от друга. План 1947 года, на мой взгляд, оказался удачным и многие противоречия устранил. Был создан единый центр, благоустроены окраины. Однако требовательность наша растет, и сейчас утвержден новый план генеральной реконструкции Нижнего Тагила. Этот план — будущее города, двухсотпятидесятилетие которого мы вот-вот отпразднуем. Но прежде чем говорить о будущем, посмотрите город сегодняшний. Вот вам адреса старожилов, пусть они будут вашими гидами...

Разыскать старожилов оказалось не просто: первый, к кому мы отправились, переехал из своего ветхого домика куда-то в новый район, второй отправился на рыбалку, третий гостил в другом городе. Мы потоптались в растерянности на главной площади и решили: посмотрим город сами. Взяли такси, сказали водителю о цели нашей поездки, а маршрут — на его усмотрение...

Шофер Роман Яковлевич Ялунин оказался и достойным полпредом своего города и искомым старожилом. Едва тронувшись с

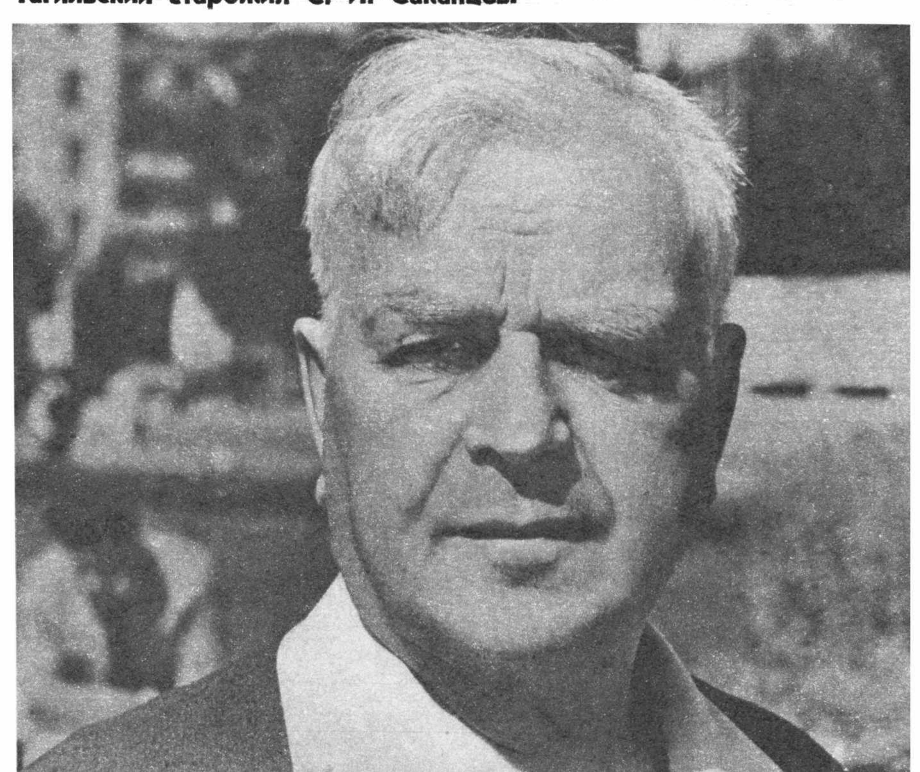
Таков Нижний Тагил сегодня.

КВАДРАТЫ

Будни Нижнетагильского отделения свердловского института «Гражданпроект». Главный инженер отделения Н. К. Мишин, старший инженер Г. В. Попова и главный архитектор города В. И. Солтыс.

Тагильский старожил С. И. Саканцев.

НА СХЕМЕ

места, он уже включился в роль экскурсовода:

— Вот здесь мой дом стоял, весьма дряхлый,— прожил я в нем все свои сорок лет с гаком. Снесли его, переселили нас в новые дома. Получил я хорошую трехкомнатную квартиру... Сейчас мы поедем к заводу, где еще мой отец работал,— продолжал Роман Яковлевич, ведя машину по широкому проспекту.— Строили его еще уральские горнопромышленники Демидовы. Отец был хорошим сталеваром, орденом его наградили. Я же шофером стал... Это по настоянию врачей, а до того вместе с отцом трудился: он сталь варил, я — на разливочном кране...

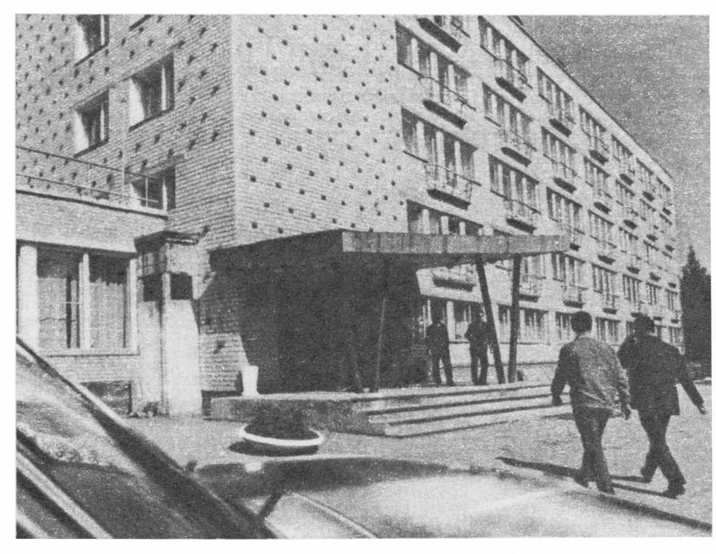
А за окнами разворачивалась история города. Растет многоэтажный дом-башня, дальше кинотеатр современных форм... Промелькнули скучноватые блочные здания, остались позади старомодные массивные дома, растянувшиеся каждый на целый квартал. А вот старинные купеческие здания, господские особняки, дома-памятники...

— Видите, дом с колоннами? — показывает водитель.— Здание прошлого века, в нем размещалось управление Демидовых. А чуть дальше остатки толстых стен — демидовская же тюрьма. А там — плотина демидовского пруда и демидовский завод. Это, так сказать, символы старого Тагила! Но не только ими знаменит в России Тагил, а мастерами своими — самородками. Отсюда повезу вас к дому Черепановых, которые паровоз изобрели. Про Артамонова тоже, наверное, со школы помните? Велосипед изобрел и ездил на нем аж в Петербург. Тоже наш он, Артамонов, тагильский, в музее его велосипед стоит. В Ленинградском Эрмитаже музыкальные дрожки тагильчанина Кузнецова — весь мир им тогда удивлялся. А для него они были вроде как забавой, главные же его изобретения — рудоподъемная машина, различные заводские механизмы, непрерывный прокатный стан... Да, много мастеров дал Тагил... В годы первых пятилеток наши металлурги ездили по всей стране — помогали домны строить...

Машина забралась на крутую Лисью гору. Нижний Тагил стоит на холмах, и отсюда, сверху, видна прямизна его улиц, зелень садов и парков, лес кранов на новостройках. К самому горизонту уходят ряды высоких корпусов, образуя улицы, кварталы, проспекты. Вернее, горизонта не видно — его от края до края закрывают заводы. Нижнетагильский металлургический комбинат, Уралвагонзавод, завод пластмасс, комбинат железобетонных изделий и еще десятки заводов, рудников, фабрик, предприятий. Город этот начинался с заводов, с тяжелой индустрии. Она и сейчас определяет его профиль.

...Семен Ильич Саканцев, с которым мы встретились на другой день,— потомственный тагильчанин, металлург и сын металлурга. Сейчас Семен Ильич на пенсии, все время проводит в путешествиях по родному краю, а о Нижнем Тагиле он знает все, что только можно знать о своем городе.

— Вы видели где-нибудь в другом месте на домах малахитовые крыши? То-то и оно. Это у нас придумали — растирали малахит в порошок, смешивали с олифой, и

«Аист» — так называется пансионат Высокогорского рудоуправления.

Тагильчанки.

получалась такая краска, которой нипочем и время и непогода. Мальчишкой еще работал я в мастерской, где делали ковши и подносы на малахитовом лаке. Секрет его утерян, и восстановить до сих пор не удалось... Я хорошо помню, как выглядел старый Тагил. До 1946 года каменные строения не составляли и пятой части, деревянные — около половины, а все остальное — бараки и другие времянки. Словом, два десятка лет назад почти весь жилой фонд Нижнего Тагила состоял из некапитальных зданий. А новый мы строили своими руками, на субботниках. Почти все, о чем писал тогда «Огонек», сбылось — появились и широкие проспекты, и многоэтажные дома, и целые районы, о которых двадцать лет назад еще и речи не шло... Тагилу положено быть благоустроенным городом, ведь он поставляет стране металл, сельскохозяйственные машины, мебель, медицинские инструменты, посуду, детские игрушки и еще десятки видов продукции. И все это везут по тагильским рельсам, в тагильских вагонах. Важно и то, что значительная часть сырья для наших заводов добывается здесь же, в уральских недрах. Да и другим остается — медную руду, мрамор, лес и прочие материалы отправляем во все концы страны... Есть слова в песне наших металлургов:

Загудели в полях трактора,
Засверкала в огнях Ангара,
Корабли отправляются вдаль,
И повсюду — тагильская сталь!

...Мы снова в кабинете у В. И. Солтыса. На стене — большая разноцветная схема города. Темные квадраты показывают то, что уже построено, светлые — что предстоит построить.

— Заводы здесь в старину ставили поближе к руде и к воде, а рабочие дома — поближе к заводам. Получилось, что город сложился из разрозненных поселков,— объясняет нам главный архитектор.— Генеральный план 1947 года дал толчок для перевода строительства на индустриальные рельсы.

В 1956 году в Нижнем Тагиле были заложены первые в истории города два дома из крупных блоков, в начале 1959-го пустили крупнопанельный цех, а в 1960 году — завод крупнопанельного домостроения. Теперь каждые десять дней с конвейера завода можно снимать дом площадью в тысячу восемьсот квадратных метров! Новый генеральный план объединит уже существующие районы города. Благодаря такому плану мы получили новые большие площади под застройку. Предполагается, что в ближайшие 15—20 лет население Нижнего Тагила возрастет до 500 тысяч жителей, жилой фонд составит 6 миллионов квадратных метров...

Восьмая пятилетка прибавила городу 533 тысячи квадратных метров жилья, а это два дореволюционных Тагила! 65 тысяч человек получили новые, благоустроенные квартиры.

Каким же будет город в недалеком будущем? Центр сместится ближе к огромному Тагильскому пруду, берега которого станут набережными. В стороне останутся промышленные предприятия. Дома будут строиться прямо в лесной полосе. Город вберет в себя богатства уральского ландшафта. Автобусы, трамваи, автомобили пойдут по скоростным автодорогам и магистралям, отделенным от жилых комплексов широким зеленым барьером. А внутри кварталов останутся только местные подъезды и аллеи для пешеходов. И станет наш Тагил еще более уютным, удобным и красивым, каким и надлежит быть городу будущего.

Владимир СОКОЛОВ

ЛЮ
КАК ЛЮ

ВОСКРЕСЕНЬЕ

П. Антокольскому

Вот из дула тоннеля пулей
Вылетает электровоз
И выносит на волю в гуле
Бесплацкартных вагонов хвост.

Будто вечно лесной, бескрайний,
Полевой этот мир вокруг.
Даже странно билет трамвайный
Обнаружить в кармане вдруг.

Едут люди, дыша глубоко.
На Подсолнечную? Туда!
Кто-то к девушке, кто-то к Блоку,
Кто-то попросту никуда.

То взлетают на насыпь сосны,
То внезапно сбегают в ров,
И стреляет по окнам солнце
Из-за их золотых стволов.

6 августа 1972 года. Шахматово.

* * *

Дождь оборвал на полуслове.
Качнулись желтые круги...
Твои шаги теперь во Пскове,
В Михайловском твои шаги.

Льет дождик, пахнущий полынью,
Над омраченною Москвой.
Мне хорошо, что ты под синью,
Что ты под зеленью святой.

С каких-то лип очей не сводишь,
Твердишь рассеянно «да-да»...
Мне хорошо, что ты там ходишь,
Ведь я там не был никогда.

* * *

Старому товарищу

Жизнь больше, чем мы думали,
И лучше. Слава ей!
Вот ветры странствий дунули,
И не сочтешь путей.
Не занавески тронули
На форточках чуть-чуть,
А нас самих с вагонами
Втянули в дальний путь.
Жизнь слаще, чем мы думали,
И горше. Слава ей!
Не ссорами угрюмыми
На улице твоей.
Нет, в ней тяжеле тяготы,
Злей дождь, белее снег.
Разлука — так уж на годы,
А встреча — так навек.

...Вот ветры в лоб вам дунули,
И где вы? Нет вестей...

Жизнь строже, чем мы думали,
Но слава, слава ей!

Ангара.

ВЗДОРНЫЙ ДЕД

Шел я Калининской областью,
В песню ловя тишину,
Нежной наполненный доблестью,
И оказался в плену.

Ягод на ветках мерцание.
Рай. Пересвист. Пересвет...
Вдруг поперек созерцания
Вырос огромнейший дед.

«Кто? И какая профессия?
И вообще почему?»
Я объяснился.
Превесело
Дед ухмыльнулся тому.

«Наше село не убогое.
Хоть и вдали от дорог,
Мы получаем тут многое.
Даже журнал «Огонек».

Пишете, пишете, пишете.
Чувствуется мастерство.
Но иногда вы не слышите
Вдруг ни того ни сего.

Вот ты заехал на родину.
А если это слова?
Думаешь, только смородину
Ценит сия голова?

И, наклонясь у смородины,
Вдруг сообщил этот дед:
«Нет никакой у нас родины,
Если в душе ее нет».

Дед в бородище и в тельнике
Молвил: «Идти так идти!
Вон там изба моя в ельнике.
Но — на обратном пути.

На вот и черной смородины,
На вот и красной, поэт...
Нет никакой у нас родины,
Если в душе ее нет».

ДЕВУШКА

Камыши раскачала
И затихла волна.
И опять у причала
Тишина. Тишина.

Над серебряной ивой
Звезд вечерних покой.
Как же быть несчастливой
Мне — счастливой такой!

...Пахнет яблоком пристань.
Плещут волны, звеня.
Над водою бугристой
Два растущих огня.

И выходит из дыма
И гудит пароход.
Он любимых к любимым,
Верных к верным везет.

Сдам экзамен последний
И туда уплыву.
Днем ли, полночью летней
Не во сне — наяву.

Я пою. И веселый
Ветер бьет тишину.
Рвутся лодки с приколов
На большую волну...

Днепр.

ЗВЕЗДЫ

Светлей росы и снега,
Но холоднее льда
Заголубела Вега,
Красивая звезда.

Ее сопровождала,
Желтея горячо,
Вся будто из металла.
Красивее еще.

УШЕДШИЕ В БЕССМЕРТИЕ

Чем больше лет проходит, тем сильнее интерес к героям, рожденным революцией, желание узнать детальнее о том, какими же они были, как стали светочем для грядущих поколений.

Среди них легендарные двадцать шесть бакинских комиссаров, так рано ушедших в бессмертие. Их имена носят районы, поселки, улицы, школы и пионерские дружины. Им посвящены научные исследования и фильмы, поэмы и романы.

Писать о них необычайно трудно — не только потому, что надо соединить воедино труд кропотливого ученого и талант беллетриста: надо воссоздать правдивую картину происходившего, верно показать характеры несгибаемых ленинцев и в то же время не шагать по проторенной дороге, найти свою тропу. Думается, это в полной мере удалось армянскому писателю Микаелу Шатиряну, автору романа «Сказание о пальме».

Роман этот — произведение многоплановое. Экскурсы в историю перемежаются картинами жизни Баку в декабре 1917 — сентябре 1918 года, запоминающимися портретами хладнокровного, рассудительного Степана Шаумяна, порывистого Алеши Джапаридзе, кристально честного Ивана Фиолетова. Писатель показал, как под солнцем ленинских идей крепло содружество русских и армян, грузин и азербайджанцев, помогавших в те труднейшие годы становлению первой в мире Страны Советов.

Микаел Шатирян. Сказание о пальме. Издательство «Айастан». Ереван, 1971.

БОВЬ
БОВЬ

Меридианы, версты.
Всецветные огни...
Не всем на свете звезды
Нравятся одни.

Но все ж, когда отымем
У всех краев беду,
Давайте тост подымем
За красную звезду.

СТИХИ МАРИАННЕ

I

А мне надоело скрывать,
Что я вас люблю, Марианна,
Держась и неловко и странно,
Невинность, как грех, покрывать,

Мечтать о балконе твоем,
О дереве на перекрестке,
Где ждали, наверно, подростки
И ждут... Ну, а я-то при чем,

Раз мне надоело скрывать,
Молчать глубоко и пространно,
Что я вас люблю, Марианна.
Невинность, как грех, покрывать.

II

Счастливое славя житье,
Вдруг личное счастье представив,
Я выдумал имя твое,
Из двух его нежно составив.

Вот Машенькин дом под сосной,
Вот Аннушкин дом под березой...
В России, как в сказке лесной,
Недолго надышишься прозой.

Конечно же, помню и я,
Что имя твое долгосрочно.
Но все ж и его и тебя
И я сочинил. Это точно.

По городу Машенька шла,
Узнав меня, вкось поглядела...
Такие уж, видно, дела.
Такое уж, видимо, дело.

Прощайте, и дни и часы
Доверчивости и опаски.
Нельзя! Но я выпью росы
За ваши Анютины глазки.

III

Я вашей ошибкой горжусь.
На Клязьминском книгохранилище,
Сказали вы, я нахожусь.
Да нет же, на водохранилище.

Я помню, музеем, как лыжница,
Вы шли в пропыленной гурьбе!
Веселая, чистая книжница,
Я счастья желаю тебе.

Товарищи, наедине
Стихи осудив эти метко,
Жестокую лирику мне
Простите! Ведь это так редко...

* * *

А я-то хотел почитать стихи,
А я-то хотел замолить грехи,
А я-то хотел рассказать о том,
Как ветки летят под ночным
дождем.

А я-то хотел почитать стихи,
А я-то хотел замолить грехи,
Не знаю какие — так много их,—
А я-то хотел прочитать вам стих,

Как галки летали, как ветер пел,
Как смех за платанами светел был.
Но так и не вышел такой рассказ:
Ни смеха, ни птиц, ни дождя,
ни нас.

Тбилиси.

ТРАМВАЙ

В белом, шершавом окне трамвая
Все расплываются фонари...
А в памяти, в памяти, как живая,
Та улица, тени, она в двери.

Под шум, под качанье скамьи,
под грохот
Не хочется думать. Нет. Потому,
Что думать о лучшей на свете
плохо
Не пожелал бы я никому.

Не пожелал бы считать обмолвки,
Все недомолвки, обиняки...
Вспыхивают мороза иголки,
Чьи-то над ухом звенят медяки.

Скоро забуду все остановки.
Номер трамвая. Тыщу примет.
«Вы не выходите у Серпуховки?»
Дом позабуду. «Возьмите билет».

Может быть, если б горячим
дыханьем
Холод заросшего снегом окна
Я растопил бы — и там,
за мельканьем
Света, опять мне явилась она,

Улица та же и ночь из былого —
Я бы иначе на все поглядел.
Крепче бы за руку взял ее снова.
Только уж поздно. Лед затвердел.

Да ведь и в жизни так не бывает.
Лед. Но все же дышу на него.
Что там? Деревья... Только всего.
Темный кружочек льдом
заплывает.
Так не бывает... Ну, ничего!

* * *

Это просто вечер был такой.
Облаков безветренный покой.

И такая мирная земля,
И такие тихие поля,

Что и ясень, листьями рябя,
Шелестел не вслух, а про себя.

И когда прощалась ты со мной,
То сказала: «Не грусти, родной.

Это просто вечер был такой,
Что прошлись тропинкой мы
одной,

Это просто вечер был такой,
Чья-то песня в поле за рекой.

Тишь была. Черемуха цвела.
Над землею радуга плыла».

Россия была истощена четырьмя годами первой мировой бойни. Объявилось множество «доброхотов», которые стремились якобы к одному: протянуть руку помощи. В «дружеском» рукопожатии чувствовалась опытная, железная хватка стяжателей. Англичане, французы, турки, немцы зарились на вековое богатство азербайджанского народа — его «черное золото».

Империалистам удалось добиться большинства голосов в Бакинском Совете, и там «высказались за приглашение английских войск для защиты Баку». Микаел Шатирян рассказал о том, как Шаумян, Джапаридзе и их соратники сражались с дашнаками, эсерами, мусаватистами, несли в народ ленинскую правду.

Их было двадцать шесть, павших в песках 20 сентября 1918 года. «Двадцать шесть, легших в одну могилу с одним заветом живым: «Каждый из нас любил свой народ и видел его счастье только в одном — в братстве с другими народами!» Это были русские и армяне, азербайджанцы, грузины и евреи. Самому младшему из них было 22 года, самому старшему — лишь сорок пять. «Одни из них были полководцами революции, а другие — лишь рядовыми командирами... Это они, комиссары, устами своего вождя обещали всем, что Советская власть в Баку вернется, «и вернется не для того, чтобы признать хозяевами Баку германо-турок или англичан, а для того, чтобы изгнать отсюда и тех и других, для того чтобы восстановить единство Баку с Россией и утвердить вновь и здесь и, быть может, во всем Закавказье Советскую рабоче-крестьянскую социалистическую власть». Этот день наступил. За него отдали жизнь двадцать шесть, которым посвящено «Сказание о пальме».

М. ХОДАКОВ

ИНТЕРЕСНО, ВАЖНО, НУЖНО

Написанный по горячим следам международных событий последних лет, новый роман Юлиана Семенова поднимает важные вопросы: ответственность художника на Западе за будущее; ответственность политического деятеля за судьбу страны; ответственность всех людей земли за предотвращение мирового пожара.

Соблюдение пропорций, гармонии — один из главных критериев в оценке произведения искусства, литературы. Обнаженность публицистичности может порой сыграть злую шутку с романом, обескровив его. Ю. Семенов, на наш взгляд, смог избежать этой опасности. Достоверность событий подтверждается в его новом романе и великолепно выписанным диалогом, и пейзажными зарисовками.

В Западный Берлин отправляется Максим Максимович Исаев, так хорошо известный нам по предыдущим романам Ю. Семенова под именем Штирлица. Он отправился туда для того, чтобы узнать о том, каким образом западногерманские монополисты, из тех, кто попрежнему лелеет идею реванша, вошли в контакт с пекинскими экстремистами и помогают им в создании водородного оружия.

...Дорнброк, человек, помогавший Гитлеру прийти к власти, отсидев недолгое время в Ландсбергской тюрьме после Нюрнбергского процесса, возвращается к своей прошлой деятельности. Он связан с неонацистами; он вместе с американским банкиром Дигоном затевает новую авантюру, которая может обернуться трагедией для человечества. Это главный сюжетный стержень романа. Надо отдать должное Юлиану Семенову, он пишет историю Дорнброка доказательно, подробно, объективно.

«Главное направление» романа — в его активной, классовой позиции, в желании показать читателю те силы, которые пытаются тянуть мир к войне. Но прошли те времена, когда только советские люди противостояли неонацизму в ФРГ. Миллионы немцев воочию видят, что выгодно Германии и что чревато для нее роковыми последствиями. И против Дорнброка сражаются разные люди: социал-демократ Берг, прокурор Западного Берлина, репортер из газеты «Телеграф», известный западноберлинский кинорежиссер Люс.

Примечательно, что западноберлинская газета «Тагесшпигель» в рецензии на роман «Бомба для председателя» ни словом не обмолвилась о кинорежиссере Люсе, одном из наиболее сильно выписанных героев Ю. Семенова. Газету можно понять: этот собирательный образ впитал в себя типичные черты той творческой интеллигенции, которая активно выступает против угрозы войны, за европейскую безопасность.

Ю. Семенов не изображает врагов мира штампованными злодеями, не окарикатуривает их. Враги у него умны и сильны, в их арсенале многолетний опыт антисоветизма. Писатель дает точные характеристики своим героям, каждому слову веришь, а доверие к происходящему — уже залог успеха произведения.

Бесспорно, «Бомба для председателя» — серьезная удача Ю. Семенова, работающего в жанре документально-художественной прозы.

Г. СВЕРДЛОВ

Юлиан Семенов. Бомба для председателя. Роман. Журнал «Москва» №№ 9, 10 за 1971 год.

Станислав КАЛИНИЧЕВ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

ДОБРАЯ ЗЕМЛЯ БУКОВИНЫ

КЕРМАНЫЧИ

Шесть дней в неделю Черемош струится по каменистому руслу, в полудреме бормочет на перекатах.

Зато по пятницам грохочет Черемош, швыряет обломки скал, и ветер треплет над ним косматые гривы брызг и пены. Потому что именно по пятницам запрягают Черемош плотогоны-керманычи.

Высоко в горах на его притоках Перкалабе, Сарате, Гостовце ставят плотогоны запруды. Неделю полнится горными ручьями каменная чаша. С понедельника готовят свои плоты керманычи. Сталкивают в воду срубленные в горах столетние ели, нанизывают их на тросы.

И вот приходит пятница. С рассветом плотину открывают. Вода с ревом устремляется вниз, и на гребне ее летит плот. Летит по руслу ручья, где в обычное время и для байдарки-то воды недостаточно. Упершись ногами в шаткие бревна, мчатся отчаянные плотогоны, ловко направляя головное звено.

Через час-два плот опускается в Черемош, замедляет свой бег и останавливается на глади большого озера в Мариине. Здесь главная плотина, собирающая воду с верховий Черемоша и с доброго десятка других запруд на его притоках. И здесь же скапливаются принесенные с гор плоты. Отсюда один за другим полетят они по Черемошу на гриве потока, выпущенного из Маринина озера. Долог путь керманычей, не всегда хватает им дня, чтобы довести свой плот до Вижницы и сдать лес на перевалочную базу.

С Черемошем шутки плохи — почти с каждого берет он свою дань: то несколько лесин о скалы разобьет, то смоет маломерный хлыст, что поверх плота прилажен. Ведь недаром в Яблонице, Конятине, Долгополье, Усть-Путиле на берегах можно увидеть мальчишек с баграми в руках. Лихо бросаются они в бурлящий поток, вылавливая лес, отнятый рекой у плотогонов. Для мальчишек это — азартнейшее занятие.

Когда-то Димка и Петро вот так же с баграми бегали по берегу Черемоша. На правом берегу тогда хозяйничали румынские бояре, левый принадлежал панской Польше... Петро и Димка взрослели уже в советское время, ходили в школу, учились на родном языке, о чем их старшие братья раньше и не мечтали.

Узнал я о судьбах двух мальчишек в одну из пятниц, на Мариине. Посмотреть, как идут дела на сплаве, приехал секретарь Путильского райкома партии Петр Васильевич Томюк.

— Сколько плотов сегодня спускаете? — спросил он у начальника сплава.

— Двадцать семь.

Они стояли рядом — друзья детства из села Долгополье, Петро и Димка. Дмитрий Николаевич Попюк, начальник сплава, крепкий, приземистый, выглядит очень внушительно даже рядом со своим другом — высоким голубоглазым блондином. По дороге на Мариин Петр Васильевич рассказал мне, что начальник сплава в прошлом году награжден орденом Трудового Красного Знамени.

После войны Дмитрий Николаевич, как и его отец, как и старшие братья, тоже работал керманычем. Но это было уже советское время. Толкового парня послали на одни курсы, на другие, а потом он за три года окончил Московский лесотехнический институт — во время учебы лесокомбинат выплачивал ему средний заработок.

Тяжела и опасна работа на сплаве. Но за последние два года здесь не было ни одного случая, как теперь принято говорить, производственного травматизма.

— Мы бы могли давать леса намного больше,— поясняет секретарь райкома партии,— выгодно это. Но сплавляем ровно столько, сколько нарастает за год в отведенных лесах. Что срубил — посади. Рубим так, чтобы Карпаты зеленели вечно.

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА ПОЛОНИНЫ

Машина фыркнула, как конь, и остановилась.

— Приехали,— сказал сидевший за рулем главный зоотехник района Федор Дмитриевич Высочанский.— Осталось еще метров двести пешего подъема...

Мы вышли из машины и по крутому гребню горы стали взбираться наверх, останавливаясь, чтобы перевести дыхание. С каждым шагом перед нами все шире разворачивалась величественная панорама Карпат. Куда ни кинь взгляд — на десятки километров вокруг громоздятся вершины, покрытые синими вековыми лесами, зелеными буковыми рощами, изумрудными коврами горных лугов — полонин.

На сглаженной вершине, куда мы поднялись, стояла большая усадьба.

— Здесь живет наш чабан Емельян Дмитриевич Жабко,— сказал Иван Васильевич Грицюк, председатель колхоза.

Я мысленно прикинул расстояние до села — километров семь — и сказал:

— Далеко все же.

— Откуда считать — от фермы или от конторы... — ответил Грицюк и повел взглядом вокруг. На склонах гор виднелись отдельные дворы — в двух, трех, пяти километрах один от другого. — Это все живут наши колхозники. И зѐмли — тоже нашего колхоза. Зѐмли! — Иван Васильевич усмехнулся. — Клочки лугов и сенокосов. Красота, конечно, неописуемая, а вот как наладить производство, если разбросаны они по горам и до самой дальней полонины отсюда семьдесят пять километров!

Иван Васильевич по своей натуре новатор, но постоянная тяга к новому сочетается в его характере с крестьянской осторожностью, умением семь раз отмерить. И осторожность эта тысячу раз оправдывалась.

Федор Дмитриевич Высочанский, прошедший путь от колхозного тракториста до главного зоотехника района (пожизненный заочник, как он говорит о себе), не один день убеждал Грицюка взяться за переделку пастбищ. Сама затея удобрять горы с вертолета, заборами огородить полонину казалась Грицюку несерьезной. Но когда Высочанский все же убедил его, то уже взялся за дело со всей обстоятельностью.

На горных склонах, где местами росли только мох да редкое разнотравье, разметили двадцать участков, по гектару каждый, очистили от камней, вырубили кустарник. Участки огородили колючей проволокой, внесли весной с вертолета удобрения. Овец выпасают на одном участке, затем перегоняют на следующий, где трава еще не тронута...

Культурные пастбища вообще-то не новинка. Но в условиях Карпат с учетом всей специфики местного животноводства такой эксперимент был осуществлен впервые. И результаты его, надо полагать, окажут весьма и

Чабан колхоза имени Ленина Николай Михайлович Федюк. Его отара первой в Карпатах выведена на культурное пастбище.

В одном из цехов Черновицкого машиностроительного завода, где изготавливается нестандартная нефтеаппаратура.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

Дозя Блощук — солистка самодеятельного танцевального ансамбля «Горянка» Путильского районного Дома культуры.

На полонине.

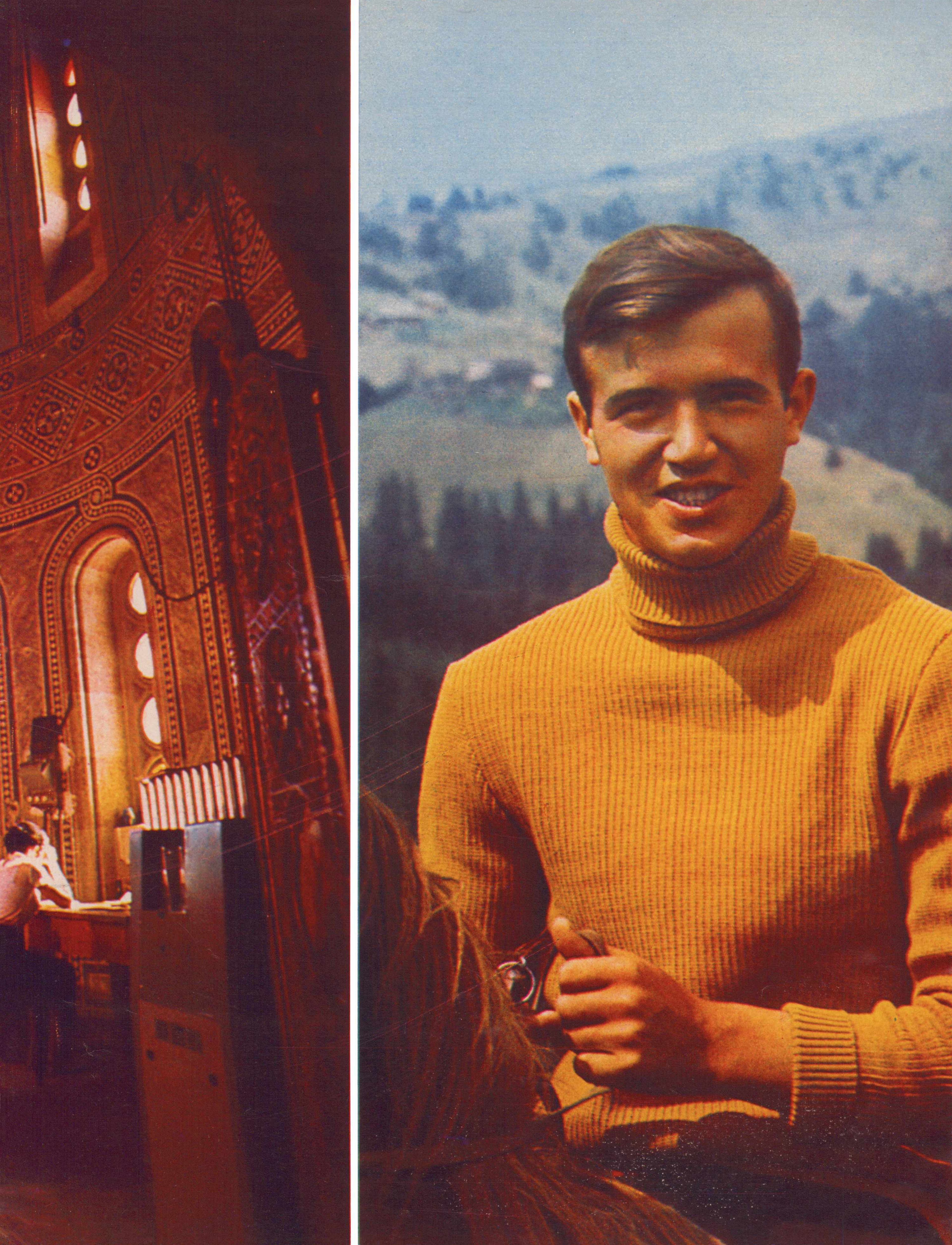
Черновцы. Теснота старинной улочки вынудила поднять над перекрестком будку регулировщика.

Праздник на Буковине. Чеканка по латуни. Дипломная работа студента Вижницкого училища прикладного искусства И. Вишняка.

В вычислительной лаборатории Черновицкого государственного университета.

Молодой хозяин карпатских полонин. Ветфельдшер колхоза имени Ленина Владимир Скребчук.

весьма значительное влияние на сельскохозяйственное производство всего края. Не вдаваясь в технологические тонкости, можно назвать лишь некоторые цифры. Если на контрольных участках урожайность травы в прошлом году составила 40,2 центнера с гектара, то на опытных — 205,8! Если в обычных условиях Карпат стадо в двести голов пасут два чабана, то на опытных участках те же два человека легко справляются с отарой в тысячу голов. Но и это еще не все. Голова голове — рознь. На обычных пастбищах овца в семимесячном возрасте весит 14—16 килограммов, а на опытном — 30—34!

Крестьянская осторожность не мешает Грицюку действовать масштабно, когда он уверен в пользе дела.

И таков Иван Васильевич во всем. В колхозе около двух тысяч гектаров леса. Каждый год какую-то его часть — в точном соответствии с приростом — рубят. Примерно половину используют на собственные нужды, остальное продают. Но вот уже несколько лет лес как таковой из колхоза не вывозится — продают готовые изделия: столярку, автомобильные кузова, бочки. А из отходов делают тарные ящики.

В районе колхоз имени Ленина ставят в пример. Здесь и трудодень весомый и планы выполняются с опережением. Но за всеми заботами о настриге шерсти, надоях молока, приросте стада и прочем Иван Васильевич умеет выкроить хоть час в день, чтобы поработать на будущее. Он держит под контролем дела, которые ни сегодня, ни даже в нынешнем году, возможно, не принесут ощутимой пользы, но зато через какое-то время лягут в основу благополучия гуцульского колхоза. Это и генеральный план застройки села, и образцовые посадки молодого леса, и превращение горных лугов в культурные пастбища, и, наконец, планомерное строительство дорог в нелегких горных условиях.

Мечтательно улыбаясь, он говорит:

— Нам бы сейчас те дороги, которые мы наметили за десять лет построить. Легче стало бы работать и веселее жить. Люди хотят поближе быть друг к другу. Электричество, телевизор, дорога, транспорт — и ты уже как в одном селе.

АМПЛУА БОГДАНА КРЫСЮКА

Здесь многое кажется необычным. С одной стороны, Черновицкая область очень уж невелика — немногим более одного процента территории Украины, и население ее — меньше одного миллиона человек. Но с другой стороны, что ни район, а иногда и отдельное местечко, село — то свой неповторимый облик, говор, одежда и даже... климат. Можно проехать всего сто километров и пересечь три климатические зоны. В областном отделении Союза писателей, кроме пишущих на украинском языке, есть пишущие на русском, молдавском, еврейском.

На земле Северной Буковины блага, которые дал каждому народу союз братских республик, можно увидеть особенно отчетливо. Советская власть пришла сюда только летом 1940 года. Помощь всей страны молодой Черновицкой области чувствовалась весьма ощутимо. Если в двадцатые годы наши народы помогали друг другу, что называется, из последнего, то с Северной Буковиной они делились щедро, опираясь уже на развитую экономику, науку, культуру.

Наши войска еще освобождали Европу от фашизма, когда сюда для строительства моста через Прут прибыл мостопоезд. Окончилась война, многие местные хлопцы прошли хорошую школу, работая в этом мостопоезде, где теперь изготавливали металлические конструкции, фермы перекрытий для строящихся цехов, несложное оборудование. Шло время, и рядом с времянками, которыми оброс мостопоезд, появились небольшие цехи. Из других республик поступало современное оборудование, станки. И уже к 1965 году здесь действовал машиностроительный завод. За последующие шесть лет он вырос в два с половиной раза, специализировался и теперь производит ощутимую долю всей нефтеаппаратуры, изготавливаемой в Советском Союзе.

Михаил Федорович Одинок вот уже двадцать лет работает разметчиком. Выросли и пошли на завод два его сына и дочь. Сам Михаил Федорович до того гаечного ключа в руках не держал, в бедном крестьянском хозяйстве его родителей каждая металлическая вещь была на особом учете. А ныне он основоположник одной из первых династий металлистов на Буковине. Ему больше других видны перемены, происходящие на заводе.

— Раньше,— говорит он,— мы зимой в полушубках работали: стен еще нет, а цех уже действует... Потом и в самые лютые морозы можно было снять полушубок, остаться в рубашке. А теперь на работу и в выходном костюме можно. Чистота, культура...

Юрий Полонский перемены видит по-своему. Он представитель другого поколения, ему 28 лет. Учился в школе-интернате, над которой шефствовали машиностроители. Окончив десятый класс, пришел сюда токарем. Заочно учился.

— Когда я пришел сюда, теснотища была. Производственную площадь на метры меряли,— рассказывает он,— а теперь на гектары. Вот скоро вступит в строй еще один цех — четыре с половиной га под крышей! Не так давно устроить отсос газов, чтобы электросварщик, склоняясь к электроду, не дышал ими, считалось серьезной рационализацией. Сейчас же сварщик сидит у пульта и видит на телеэкране, как работают сварочные автоматы. А впрочем, это уже компетенция Богдана Крысюка...

Мне это имя показалось знакомым. Немного позже, когда Богдан Иосифович Крысюк обстоятельно, взвешивая каждое слово, рассказывал о своей работе, я уже наверняка знал, что где-то его встречал.

— Где я мог раньше вас видеть, Богдан Иосифович?

— На сцене... Или на экране телевизора.

И тут я вспомнил: «Варлаам из Черновиц», как писали в газетах. Он пел на сцене Кремлевского театра партию Варлаама в «Борисе Годунове». Больше сорока раз прошел этот спектакль единственной на Украине самодеятельной оперной студии из Черновиц. Богдан пел в «Черевичках», в «Царской невесте» и многих других спектаклях.

— И все же, как вы считаете, какое ваше основное амплуа? — спросил я.

— Электросварка,— улыбнулся он.

— А голос? У вас же талант...

— Тут на Буковине у каждого второго — талант,— серьезно сказал он.— В любом селе если не резчики по дереву, то виртуозы-вышивальщики, мастера керамики, музыканты, художники. Возьмите ансамбль Вижницкого районного Дома культуры «Смеричка». Его известности могут позавидовать многие профессиональные коллективы. Но в нем нет профессионалов. Все работают или учатся. Да вот Владимир Ивасюк, автор песни «Червона рута». Тоже не стал профессиональным композитором, хотя его песни широко известны.

Богдан помолчал немного и, как бы размышляя вслух, сказал:

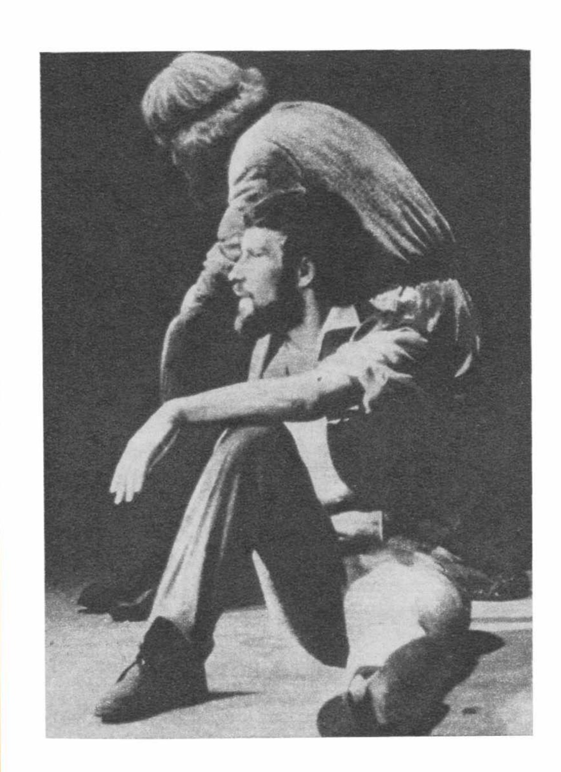
— У нас сама земля такая красивая, что располагает к творчеству.

Очевидно, Богдан прав. Добро порождает добро, красота порождает тягу к творчеству. Так где же и расцветать творчеству, как не на прекрасной, свободной и заботливо возделанной земле Северной Буковины!

Закат в Карпатах.

На горной тропе.

Лесной натюрморт.

ГЕРОЯ ПОЛЮБИЛИ ЗА СМЕЛОСТЬ...

«Ущелье крылатых коней» — первая пьеса молодого поэта Константина Скворцова. В ее основе — исторические события из жизни знаменитого оружейника, уральского мастера, клинкового рисовальщика Ивана Бушуева, происшедшие в начале прошлого века.

Несмотря на давность этих событий, драматическая легенда К. Скворцова, с успехом идущая ныне на сцене Челябинского театра юного зрителя в постановке главного режиссера Т. Махарадзе, радует многоголосым, остросовременным звучанием. Тема извечной борьбы добра и зла, постоянные для искусства философские проблемы мировоззренческой борьбы Художника и Ремесленника, тема Моцарта и Сальери: неостановимые и потому особенно мучительные требования самосовершенствования; ответственность Мастера за свое искусство перед народом,— вот о чем повествует «Ущелье» через перипетии судьбы главного героя пьесы. Любовь Ивана Бушуева к своему народу, победы, одержанные героем не только над врагами, но и над самим собой, его чувства и сомнения соединяют все эти, столь различные проблемы в едином, цельном и глубоком произведении драматургии.

Понятно, что при таком многоплановом построении «Ущелья» успех постановки пьесы на сцене чуть ли не всецело зависел от исполнителя сложной роли Ивана Бушуева. В спектакле Челябинского ТЮЗа эту роль интересно сыграл артист П. Маштаков.

Бушуев наделен чертами незаурядной личности, и прежде всего пленительной одухотворенностью, увы, столь долго отсутствовавшей во многих наших пьесах и спектаклях... Герой отличается тонкостью душевных порывов, недюжинным умом и, в отличие от представителей высшего света, подлинным благородством. Артист обеспечил своему герою сочувствие зрительного зала, показывая, что Бушуев постоянен в своем стремлении постичь «все таинства земли, огня и света» и найти образное отражение их в своем искусстве...

Победа Бушуева над врагами, пытавшимися хитростью взять над ним верх в соревновании по мастерству, воспринимается восторженно юными зрителями, успевшими полюбить героя, человека мужественного и сильного духом.

Спектакль Челябинского ТЮЗа «Ущелье крылатых коней» свидетельствует о том, что в драматургию и театр пришел автор с ярко выраженной индивидуальностью, богатым внутренним содержанием и особым, ему только присущим, видением мира...

В. ПОЛОСКОВА

В роли Ивана Бушуева артист П. Маштаков.

Фото А. Дымента.

Владимир КАТИН

РАСТЕРЯННОЕ

ВСТРЕЧА В КОПЕНГАГЕНЕ

В Копенгагене на бульваре сказочника Г. Х. Андерсена группа молодых людей, по-домашнему расположившись на тротуаре, негромко пела под аккомпанемент гитары с розовой ленточкой у грифа. А тем временем на циферблате старинных башенных часов, похожем на колесо телеги, стрелки-спицы сошлись у 12. Этого момента все только и ждали: сразу же захлопнулись двери магазинов, парикмахерских, контор, учреждений... В это священное, неприкосновенное время, ни минуты не мешкая, датчане дисциплинированно идут на обед. Торопясь занять места в своих излюбленных кафе и пивных залах, служивая публика, однако, непроизвольно притормаживала возле импровизированного молодежного табора. И вот уже слепилась толпа. Юрий Бочкарев и я оказались вмонтированными в эту толпу, обступившую босоногих длинноволосых ребят, невозмутимо распевавших свои песни. Мы не вникали в слова монотонного пения. Мы слушали реплики, улавливали реакцию столпившихся приказчиков, клерков, продавщиц, разнокалиберных чиновников.

— Должно быть, у них нет пап и мам.

— Они непохожи на датчан. На каком же языке они поют? Кажется, на английском...

— А почему от них так густо воняет карболкой?

— О, разве вы не знаете? При въезде в нашу страну хиппи заставляют пройти санпропускник!

— Это не хиппи, это битники.

— А в чем разница?

— Не знаю... Смотрите, смотрите! Им бросают деньги! Вон тот пожилой в изумрудном пиджаке протягивает целых пять крон!..

Мы вылезли из кольца зевак и, продолжая свой путь, обсуждали увиденную жанровую сцену и подслушанные фразы. Для Дании все эти битники и хиппи — явление инородное, есть лишь мимолетное любопытство прохожих, остановившихся около странного гитариста, сидящего посреди тротуара. Однако ни Дания, ни другая страна капиталистического мира не застрахована от массового, я подчеркиваю это, именно массового проявления недовольства своим обществом со стороны молодежи. Движение битников, а затем хиппи стало в ряде западных стран массовым. Кредо недовольной юности — отрицание буржуазного общества, критерии и принципы которого объявлены непривлекательными, а главное — фальшивыми. Для хиппи непривлекательны, например, комфорт, семья, условности среды. Хиппи предпочитают нищенствовать, но не иметь соприкосновения с обществом, его порядками, обязанностями.

Кто же такие хиппи и откуда они взялись?

АМЕРИКАНСКИЕ ХИППИ

Осенью прошлого года знаток старого Парижа, журналист Клод Пикан знакомил меня с безымянными закоулками и скрытыми от камер туристов таинствами Монмартра. В садике древней таверны «Лапен Ажиль», увитой кружевами виноградных лоз, за дощатым столом мы увидели экстравагантную компанию молодых людей. «Это и есть настоящие американские хиппи,— сказал Клод.— Видишь, они все в цветочках».

И в самом деле, одежда на парнях и девушках была в пестрый цветочек, на шее — гирлянды цветов. Некоторые даже разрисовали себе щеки и лоб. Хиппи подвинулись на лавках и дали нам место. Проповедуя любовь и братство, хиппи любого и каждого встречают с распростертыми объятиями. Позже они рассказывали нам, как однажды полиция в Лос-Анджелесе учинила над ними расправу, многие были сильно избиты. В ответ на это хиппи организовали для детей полицейских концерт-утренник с бесплатным мороженым.

Итак, оказавшись за одним столом с настоящими хиппи, мы пустились в расспросы, стараясь понять трагедию их разлада с обществом, трагедию, которую они сами-то толком не понимают и выхода из которой пока не нашли. Вот как это все случилось, со слов самих хиппи...

Несколько лет назад в Старом и Новом Свете возникло движение битников. Это были в основной своей массе образованные, в известной степени интеллектуальные молодые люди. Они изобрели свое философское течение, весьма туманное, шаткое, непрочное по аргументам. В двух словах смысл учения битников состоит в уходе от общества, от труда, от воинской повинности. Битники бродили по миру, сочиняя и распевая порой неплохие вирши, рассуждая о высоких материях и нарочито пренебрегая всеми земными заботами. Хиппи взяли у битников основную идею — побег от общества. Но пошли в этом отношении дальше, вернее, убежали от общества еще дальше, чем первые. Ведя цыганский образ жизни, хиппи вообще отказываются от всякой философии, от любых теорий, от размышлений, от всего, что носит на себе печать цивилизации; они против всех и вся на свете. Их заповедь: «Делай все, что хочешь, не оглядываясь на традиции и условности общества, и проповедуй всеобщую любовь, мир и согласие».

Практически это делается так: в буквальном смысле убежав из отчего дома и объявив себя хиппи, молодые люди строят на городских окраинах и пустырях самодельные лачуги, вповалку спят, затем уходят на другое место. Источник существования — кустарный промысел, нехитрые поделки, рисование, пение на улице с протянутой ладонью. В арсенале заповедей хиппи — свободная любовь, свободное принятие наркотиков. В среду хиппи порой попадают и уголовные элементы, садисты, извращенцы, благо атмосфера полной социальной анархии их устраивает как нельзя лучше.

Все это может показаться ребячеством, если бы не масштабы хиппической, если можно так выразиться, эпидемии. По американской статистике, в Соединенных Штатах насчитывается до миллиона молодых людей, добровольно дезертировавших из общества. Их будет еще больше — такой прогноз делают компетентные специалисты и вычислительная техника. Американский социолог Арнольд Тоинб сравнивает этот миллионный протест молодежи с тревожным красным сигналом на пульте американского образа жизни...

Но вернемся в старинное парижское кафе на Монмартре. В тот вечер высокий босой парень по имени Крисли рассуждал так:

— В нашем американском обществе все и каждый из кожи лезут, чтобы занять какое-то положение — пусть самое микроскопическое... Благополучие складывается из стандартных понятий: доллары, семья, дом, автомобиль... Причем в обществе тебя оценивают не по уму и способностям, а по возможности потреблять. Честь тому, кто может больше потребить! В нынешнем обществе все гамлетовские сомнения решаются просто: иметь — значит быть, не иметь — не быть. Стоит ли учиться только ради того, чтобы со временем найти в конторе место, приобрести в рассрочку автомобиль, обзавестись семьей и язвой желудка? Мы плюнули на такое счастье и ушли от лживых книг, авторитетов, условностей, а также от перспективы подохнуть в болотах Вьетнама. Мы уже второй год скитаемся по Европе. Если мы вернемся в США, то нас будут судить за уклонение от службы в армии. Но мы пока не вернемся.

Я внимательно разглядывал экзотически наряженных густоволосых парней, покинувших американский рай совершенных машин, небоскребов и автоматических страстей. Случайно ли эти ребята разрисовали и разукрасили себя цветами? Почему именно нежный цветок стал их символом, гербом, амулетом? Может быть, в изолгавшемся обществе им как раз и не хватает возвышенных человеческих чувств и не оскверненных проказой наживы отношений? Может быть, им очень и очень не хватает «листьев травы», которые когда-то, как чудо, вырастил Уолт Уитмен на холодном железобетоне американского урбанизма?..

Вероятно, американский социолог был прав, говоря, что хиппи — это красная лампочка тревоги, сигнализирующая о большом социальном кризисе во всем укладе страны. Очевидно, люди органически не могут долго выдерживать бездумного автоматизма жизни, где все уже давным-давно заранее запрограммировано, и они начинают сбиваться, отставать или вообще выключаются из общественного ритма, в такт которому мчится очертя голову общество стяжателей и бизнесменов, ханжей и пройдох, спекулянтов и лицемеров, общество людей-роботов, настроенных на одну волну — «делай деньги»... Уже после встречи с хиппи на Монмартре я прочитал статью профессора Чикагского университета Мартина Марти, который пишет: «Хиппи бьют породившее их общество по самому уязвимому месту — по отсутствию у него души».

Многие исследователи сходятся на том, что само явление хиппи и его потрясающе быстрое распространение смогло появиться только в больном обществе как продукт такого общества.

ОТЖИВШИЕ ИДЕАЛЫ

Заболевает человек — приглашают врача. Когда эпидемия духовного недуга поражает целое поколение, тогда на консилиумы собираются государственные мужи. Сейчас, когда на Западе тяжелый кризис разлада со своим обществом переживает молодежь, опытные социологи и ловкие специалисты по созданию общественного настроения решают проблему века: как повлиять на молодое поколение, которое стихийно противится уготовленному ему образу жизни?

Во Франции движение хиппи не привилось.

Французские юноши и девушки не бросают родительский дом, не бегут с заводов и учреждений. Однако многие из них находятся в прескверных отношениях со своим обществом, идеология которого их не зажигает и с которым им все труднее найти общий язык. «Наша молодежь больна,— констатирует журнал «Нувель обсерватёр».— Она больна, как бывает болен организм, когда ему чего-то очень недостает...»

Мне приходилось беседовать с молодыми французами, я пытался понять, в чем их трагедия. Расскажу об одной такой встрече.

Это было на острове Корсика. В городе Бастия, разыскивая отель «Наполеон», я остановил спортивного вида парня и спросил нужный мне адрес. «Идите сюда»,— сказал он и потянул меня на другую сторону улицы. Мы перешли широкую авеню. «Вот ваш отель»,— заявил мой гид и показал на здание напротив, возле которого мы только что стояли. Действительно, на фасаде сияла золотая вывеска с именем императора. Мы рассмеялись и вернулись туда, откуда пришли. Так я познакомился с корсиканским юмором и студентом электротехнического факультета Люсьеном Маде. Парень оказался общительным. Он показал мне город и в конце дня уже делился взглядами на жизнь. Я бы не стал делать обобщающие выводы от одной беседы с двадцатилетним французским юношей, если бы это были его сугубо индивидуальные переживания, если бы мы беседовали вдвоем. Но рядом была аудитория, и она думала так же, как мой новый знакомый, как очень многие парни и девушки на Западе...

На набережной Бастии под платанами гостеприимно расставлены металлические столы и стулья — здесь как бы филиал соседнего кафе. Вокруг нас сидело человек двадцать сверстников Люсьена. То, о чем он говорил, я записывал в свой блокнот.

— В свое время изрядно писали, рассуждали о «потерянном поколении». Я не знаю, как назвать наше поколение, но мы тоже не нашли себя. Это не поза. Мы не хнычем, не изнываем от безделья, нет! Есть учеба, разного достатка семьи, работа, обязанности, танцевальные кафе. Но во имя чего все это? Должно же быть еще что-то, помимо ритуального обеда, помимо общепринятых поступков. Должен быть какой-то главный стержень, какое-то праздничное чувство, что тебе известно, для чего расходуется твоя жизнь...

Друзья Люсьена спокойно слушали его речь, не возражали, не спорили. Похоже, что они уже сотни раз обо всем этом переговорили и добавить нечего. Они курили бесконечные сигареты, пили лимонад и провожали долгим взглядом проходившие мимо белые корабли.

— В моряки пойти, что ли?— С усмешкой сказал кто-то.

Итак, идеология капиталистического общества, которая создавалась и отшлифовывалась столетиями, для определенной части молодежи Запада утратила силу своего гипноза. Законодатели и фабриканты буржуазной идеологической продукции, располагая миллиардными средствами, оказались не в состоянии управлять умами недовольных мальчиков и девочек. На какие только ухищрения не идет сейчас правящий Запад, чтобы завоевать бунтующую юность! Создают идеологов и кумиров, окружают маразмом абстракционизма, подсовывают сексуальные мерзости в искусстве, прививают наркотики. Расчет таков: если нынешнее поколение решило дезертировать из общества, не хочет быть его продолжателем, то пусть оно вырастет опустошенным, пусть же оно не достанется никому!

Таков жестокий закон капитализма, где с нелояльными расправляются в масштабах поколений.

Гигантский механизм пропаганды и формирования взглядов круглосуточно работает над тем, чтобы укоренить духовную пустоту, отвлечь от размышлений и ни в коем случае не дать молодежи объективно и глубоко понять захватывающую романтику идей и преобразований в социалистических странах.

Французский публицист Морис Клавель много пишет по проблемам молодого поколения. «Ко мне пришел юноша,— рассказывал он,— у которого было все — диплом, положение, связи, влиятельные родители, деньги. И он все бросил, ушел из общества, заявив, что ему стыдно за свою жизнь, за свою карьеру». Услышав эту историю, я вспомнил один случай. Это было в Монте-Карло, где второе столетие бешено крутятся диски рулеток. Мне показали на степенного джентльмена в годах, направляющегося к дверям игорного дома, где каждый вечер он оставляет несколько тысяч франков. Администратор казино, у которого я спросил имя отчаянного игрока, сказал, что устав заведения запрещает разглашать личность клиентов. Старый служитель не удержался, однако, и рассказал, что игрок — англичанин, миллионер и что его постигло большое горе: все шестеро его детей один за другим покинули отчий дом и неизвестно где бродят по свету.

Может быть, блудные дети в конце концов и вернутся к родительскому комфортабельному очагу. И, конечно, не во всех богатых семьях случаются подобные происшествия. Однако в наивном протесте шестерых английских ребят кроются те же причины, о которых говорил не помышляющий убегать из дома корсиканец Люсьен.

Три года назад в Гибралтаре я видел группу битников, истощенных от голода и мытарств, густо обросших. Эти парни свободно говорили на трех языках, от нечего делать мелом на тротуаре доказывали сами себе сложные теоремы. Я пристрастно расспрашивал их: почему и зачем? И они охотно исповедовались, почему и зачем ушли из общества: чтобы не быть его продолжателями. «Если вся молодежь, как мы, отхлынет от современного общества,— мечтали вслух битники в гибралтарском парке Аламеды,— то общество распадется само собой...» Анархия? Утопия? Вероятно, и то и другое, а в итоге — безысходность.

ОТВЛЕКАЮЩИЕ ПРИЕМЫ

Года три назад в Риме, в одном светском клубе, я был на просмотре фильма Пазолини «Теорема». Его краткое содержание: респектабельная буржуазная семья — отец, мать, двое детей-подростков, служанка; в дом приезжает погостить некий молодой человек, после чего на протяжении всего фильма идут натуралистичные сцены поочередного сожительства молодого друга семьи со всеми пятерыми обитателями дома...

Свет в кинозале загорался неярко, постепенно, чтобы не резало глаза. Я поглядывал по сторонам, прислушивался. Нет, никто не возмущался. Вспыхивали огоньки зажигалок, журчала приглушенная речь, улыбались нарядные дамы.

Мы долго бродили потом по ночному Риму — группа журналистов из разных стран,— бродили и толковали о том, зачем он нужен, этот фильм. Ведь просто так, без дальнего прицела, ничего в этом мире не делается.

Многие из моих спутников сошлись на том, что картина направлена в основном на молодежь: ей для подражания преподносится образ элегантного порочного героя, смонтированного по формулам Ницше и Фрейда. Калькуляция такова, что кто-нибудь в основном да клюнет на эту приманку, за ним потянутся другие — и, глядишь, забыты головоломные проблемы смысла жизни. Главное, чтобы не размышляли, не приобщались к идеям революционной борьбы, не делали свою жизнь с Че Гевары, Анджелы Дэвис, Дина Рида, Джейн Фонда. Сильные мира сего понимают, что оказавшаяся на распутье молодежь может легко воспламениться классовым сознанием. И это, кстати, происходит во многих странах мира. Стремление серьезно разобраться в происходящих явлениях особенно характерно для молодежи Италии и Франции, где ряды компартий постоянно растут.

Всякого рода организации и ведомства по делам молодежи в борьбе за ее умы применяют порой так называемое «шоковое воздействие». Рассуждают, что если, мол, недовольным молодым людям наскучила будничная жизнь, если они чураются породившего их общества, то их следует привести в шоковое состояние, оглушить чем-то архинеобычным, пусть даже тошнотворно аморальным. Главное — сбить с панталыку, вызвать растерянность.

В январе этого года в Амстердаме известные голландские артисты — супруги Жак и Жосси Халланд — рассказывали мне, что возле их дома открылся магазин сексуальных принадлежностей и порнографии. «Товар», откровенно выставленный на витрине, вероятно, может повергнуть в смятение любого маньяка-извращенца. «Весь ужас в том,— рассказывала Жосси,— что буквально напротив этого чудовищного магазина находится школа... Возмущенные родители дважды били камнями витрину, но ее восстановили. Власти даже поставили неподалеку полицейского. Вы думаете, это случайность? О, нет! Эротические лавки растут сейчас как грибы, и располагаются они непременно рядом с университетами, школами, колледжами и прочими молодежными учреждениями».

ПОИСКИ ИДУТ

Во Франции, где полмиллиона студентов, существует довольно крепкая и разветвленная организация коммунистической молодежи. Однако в студенческой среде действуют также ультраправые и ультралевые группировки. Как правило, они немногочисленны по составу, но в ряде случаев им удается выполнить роль подстрекателей шумных, скандальных инцидентов.

Молодежь капиталистического мира бунтует, бурлит. Не прекращаются выступления студентов в США, Испании, ФРГ, Бельгии, Италии, Франции. Прежде всего и в первую очередь студенты требуют упразднить реакционные порядки и режимы в университетах. Мадридские студенты несут лозунги «Долой Франко!», итальянская молодежь заявляет: «Долой диктатуру буржуазии!» Волнения студентов на Западе будоражат общество, не дают его верхушке спокойно жить. По признанию французского обозревателя Сержа Малле, студенческие волнения во всех западных странах, несмотря на различные, казалось бы, мотивы, вызваны одним обстоятельством — недовольством существующим обществом старших.

Кризисы для капитализма — явление закономерное. Периодически буржуазный мир сотрясается от толчков экономических, политических, социальных кризисов. Сейчас он переживает глубокий кризис своей идеологии. Сегодняшняя молодежь завтра придет на смену своим отцам. Поэтому главный вопрос состоит в том, с каким мировоззрением выйдет юное поколение в жизнь после острого конфликта со своим жестоким, мстительным обществом.

ПОКОЛЕНИЕ?

ИЗ ЗАЛА СУДА

Ю. МИХАЙЛОВ,

С. ЮРОВ

Анатолий Львович Глод, имевший частную практику зубного врача в Москве, отбывал на постоянное жительство в Израиль. Он покидал страну, где родился, вырос, получил высшее образование, где прошли его все неполных сорок лет, без сожалений и, более того, с легким сердцем. Свое сорокалетие Глод надеялся отметить в «свободном мире».

Будущее не пугало. Всего неделю назад в Израиль уехал некто Волков, благополучно вывезший за границу глодовские драгоценности. Сумел-таки прошмыгнуть мимо таможенников. Волков — разведка боем, первая ласточка, сам Анатолий Львович постарается выехать «налегке». Основную «казну» Глода через несколько дней повезет Киселевич.

Глод привык загребать жар чужими руками. Смущало только, что вдруг Волков, нарушив все клятвы и обязательства, там, в Израиле, не вернет владельцу контрабанду. Но это было маленькое облачко сомнений: он привык к исполнительности своих помощников и в более серьезных сделках. Суметь запутать, завязать в махинациях соучастника так, что ему потом и шагу не ступить самостоятельно,— основной закон жизни этого подпольного босса.

Анатолий Львович сдал багаж. Таможенники тщательно досмотрели каждую тряпку, каждую вещицу. Ему указано на нарушение вывоза промышленных товаров.

Хорошо, хорошо, он готов оставить лишнее. Но пока, как ему кажется, зазевавшийся таможенник занят какой-то мелочью, Глод быстро прячет в багажную упаковку золотые кольца, серебряный футляр — чистую безделицу. Вот так и бывает: ворочал десятками тысяч, а попался на нескольких золотых колечках.

Волков может свободно распоряжаться в Израиле собственностью Глода: Анатолий Львович задержан таможенниками при попытке провоза контрабанды через границу. А еще через два дня на таможне у гражданина Киселевича были изъяты вещи и бриллианты, принадлежащие бывшему боссу тайной фирмы «Глод и К°». Споткнуться на пороге в такой желанный мир, где никто не смог бы ущемлять великий талант предпринимателя,— этого никогда не простит себе Анатолий Львович. Пять бриллиантовых лет. Пять лет триумфа фирмы, и вдруг все прахом.

...Как-то в одну из платных стоматологических московских поликлиник записался на прием ничем не примечательный человек.

Врач принял больного. Как-то так получилось, что, в общем-то неразговорчивый, страдающий зубной болью пациент легко и свободно разговорился со словоохотливым эскулапом. Тот, что называется, умел заговорить зубы. Из разговора выяснилось, что больной — Ибрагимов Халил — работает огранщиком на Московской ювелирной фабрике. Кстати, об этом врач Глод уже успел прочесть в карточке больного, потому и был столь словоохотлив и остроумен. Анатолию Львовичу показалось, что огранщик Ибрагимов может быть крайне ему полезен.

Уже прощаясь, Глод вдруг поинтересовался:

— Простите, а нельзя ли удалить сколы на бриллианте? Есть у меня этакая вещица.

Ибрагимов весьма охотно объяснил, что скол можно снять, хотя всякие «левые» работы на фабрике строго запрещены.

— Но для вас, конечно... Покажите бриллиант.

Весьма любезно врач и пациент распрощались, предварительно обменявшись телефонами.

— Неплохая рыбка идет в сеть,— подумал Глод.— Не надо только спешить. Не спугнуть бы только...

Выждав неделю, Глод позвонил Ибрагимову. Условились о встрече в сквере у Белорусского вокзала. Ибрагимов, оглядев бриллиант, сказал, что вся работа займет полчаса.

— Вы получите совсем новую вещь.

Однако Глод не спешил, он исподволь изучал Ибрагимова. Бриллиант он передаст Халилу только в следующий раз.

И снова звонит врач своему пациенту, назначая ему новую встречу. Пациент точен, они встречаются у Киевского вокзала, и Глод везет Ибрагимова к себе домой, на Брянскую улицу.

Все до мелочей рассчитано у Анатолия Львовича, каждая встреча — это еще один шаг к более тесному знакомству, новые, словно бы случайно оброненные фразы о том, что работать с алмазами выгодно, и специальность хорошая, и всегда есть заработок на стороне, да и, наверное, есть возможность с а м о м у приобрести алмаз и для с е б я что-то огранить.

На Брянской Глод забирает у Ибрагимова в залог за отданный бриллиант удостоверение.

— На всякий случай,— улыбаясь, говорит он.— Мы же серьезные люди, всякое может быть.

«Всякого» не случилось. Ибрагимов, работая в вечернюю смену, реставрирует камешек в тот же день и поздно ночью приносит его владельцу. Глод в восторге. Он делает еще один безошибочный ход в игре, которую затеял ради большого дела,— платит за работу восемьдесят рублей. Пациент удивлен такой щедростью, но у него и нет сил отказаться от денег, буквально свалившихся на голову. Они расстаются друзьями. И снова звонки, снова встречи и просьбы, теперь уже без залога, огранить еще и еще камушки.

Глод хорошо платит, «левая» работа приносит огранщику немало — девятьсот рублей. И каждый раз, щедро расплачиваясь, «работодатель» заводит разговор о том, не выносят ли рабочие с завода драгоценные камешки, как ведет себя охрана и как вообще налажен контроль за сырьем и готовой продукцией. Ибрагимов охотно отвечает, он будто понимает, что с ним затеяли серьезную игру и вот-вот зададут решительный вопрос.

— Похитить бриллиант просто: методом «наращивания»,— объясняет Ибрагимов.

— А что это за метод, очень любопытно?

Метод оказался очень простым. Если ты имеешь небольшой скол алмаза (а такие сколы у каждого работающего имелись), его можно подменить в процессе обработки на больший алмаз совсем незаметно, так как у каждого огранщика в работе много алмазов разного веса. Можно попробовать и вынести готовый бриллиант с территории фабрики, потому что охрана не подвергает работающих проверке.

Тщательно подготовив своего клиента, Глод говорит о том, что, работая на таком месте, можно легко заработать очень большие деньги. Наконец он предлагает Ибрагимову продать бриллиант.

— За каждый карат я плачу по 400—500 рублей,— говорит врач своему пациенту и добавляет: — У вас же больные зубы, очень удобно выносить камушки во рту. Кусочек пластилина в открытое дупло, туда же бриллиантик, и все в порядке. Проще, чем вымыть руки. В случае чего поддели языком и проглотили.

«Полтысячи за один карат — это неплохо»,— решает Ибрагимов. Раз только украл он с фабрики и продал бриллиант. Продал значительно дешевле. Пожалуй, с Глодом можно иметь дело: свою щедрость он уже доказал.

Ибрагимов принял условия своего теперь уже наставника и босса. Рыба вошла в сеть.

— Отработаем условия,— спокойно сказал Глод.— Вы звоните мне и говорите, что звонит Федя,— это будет обозначать, что у вас есть для продажи товар. По телефону говорите что угодно: о погоде, о футболе, о девочках, черт возьми,— но только не о деле. В случае задержания, чего в общем-то не должно быть, ни слова друг о друге. В крайнем случае, что едва знакомы, по стадиону — болельщики...

Так без особых мук родилась бриллиантовая фирма частного предпринимателя Анатолия Львовича Глода.

Но звонка от «Феди» все нет и нет. Объяснялось это тем, что у Ибрагимова просто-напросто не было тогда «наращенного» бриллианта, но он терпеливо «искал» его. Он слышал, что разметчик — сортировщик бриллиантов Кондратов — богатый человек, что у него бриллианты к рукам прилипают. К нему-то и обратился Ибрагимов, спросив, не желает ли чего продать Кондратов, есть покупатели.

— Я ничего не продаю,— резко ответил тот, однако через два дня сам предложил Ибрагимову бриллиант весом 1,50 карата, попросив продать его за 600 рублей[1].

И вот на квартире Глода раздается давно ожидаемый звонок.

— Львович, здравствуй! Федя говорит...

— А, Федот! Здорово, друг. Слушай, ты свободен, заезжайте ко мне. Посидим, музыку послушаем.

— Годится, еду...

Вот и весь разговор. В квартире на Брянской Анатолий Львович, как «великий» знаток, долго и усидчиво рассматривает камешек в лупу, потом взвешивает его на весах, спрашивает:

— Сколько?

— 650,— отвечает Ибрагимов.

— Беру,— говорит Глод, хотя для себя отмечает:— «Бриллиантик-то не из хороших». За деньгами завтра. Идет?

— Идет.

Нет, не такой простачок в купле и продаже Анатолий Львович Глод, его не проведешь.

Рядом, в квартире № 138, живет большой знаток бриллиантов — директор Балашихинского горкоопторга Сергей Павлович Исаев. К нему и направляется Анатолий Львович. Сергею Павловичу одного взгляда достаточно, чтобы определить: бриллиант плохого качества, но для поддержки коммерции стоит его приобрести.

— Сколько?— спрашивает Исаев.

— Семьсот,— не моргнув глазом, отвечает Глод.

— Беру.— Исаев идет к письменному столу и отсчитывает семьдесят новеньких десятирублевок...— Проверь, деньги счет любят.

Бриллиантовая фирма заработала.

Первая операция Глод — Ибрагимов, не считая удаления зуба, закончилась. Оба участника заработали по пятьдесят рублей. Все происходило без эмоций, на чисто деловых основах, и только Кондратов нарушил эту аскетическую систему, пригласив Ибрагимова обмыть дело в ресторане. Погуляли они тогда крупно.

Все чаще и чаще отзывается на звонки «Феди» Глод, все проворнее «наращиваются» алмазы на ювелирной фабрике. Кроме Ибрагимова и Кондратова, в преступную шайку втянут сменный мастер Трошин.

С увеличением количества похищенных с фабрики бриллиантов росла и выручка от их продажи, которую подпольный босс пускает в оборот. Он оперирует уже не сотнями — тысячами рублей.

В 1968 году Глод покупает у врача-протезиста Гойхмана, который тоже занят спекуляцией, бриллиантовую брошь за 4 000 рублей. (Сам Гойхман приобрел эту же брошь за 3 000 рублей.) В свою очередь, Петр Захарович Гойхман покупает у Анатолия Львовича Глода два бриллианта за две тысячи восемьсот рублей и тут же продает их за три тысячи сто рублей.

Оба предпринимателя стоят друг друга, каждый стремится подешевле купить и подороже продать. Осенью 1968 года Гойхман за 9 600 рублей покупает золотые монеты, которые перепродает Глоду за 9 900 рублей. В начале 1969 года Гойхман, купив за 4 000 рублей золотые серьги с бриллиантом, продает их Глоду за 4 700 рублей.

Не остается в долгу и Анатолий Львович, втридорога перепродавая преступно нажитые ценности. Увеличившийся до громадных размеров оборот фирмы требует новых знакомств, новых сделок.

На помощь к Глоду приходит давнишний его соучастник по темным делам — Зиновий Михайлович Толстунов. Вместе они выезжают в Тбилиси, и деятельный помощник быстро налаживает нужные контакты. Тбилисский филиал дает предпринимателям доход в сумме одиннадцати тысяч ста рублей.

Но Глоду этого кажется мало, он ищет новых знакомств, более доходных источников сбыта, он жаждет более крупных операций. А на ловца, как говорится, и зверь бежит. Подпольная фирма частного предпринимателя достигает еще более достойного размаха, когда Анатолий Львович встречает на своем пути Феликса Григорьевича Лифшица.

Феликс Григорьевич — человек, наделенный несомненными талантами быстро ориентироваться в любой обстановке, находить выход из безвыходного положения, с блистательным остроумием поддерживать любой разговор, недаром когда-то был он одним из ведущих капитанов телеклуба веселых и находчивых.

Еще до их знакомства Лифшиц, вступив в сговор с Георгием Петровичем Понаровским, условился о том, что тот будет подыскивать ему лиц, продающих ценности. Подобно Толстунову у Глода, Понаровский у Лифшица занят налаживанием торговых контактов не только в Москве, но и далеко за ее пределами. Лифшиц и Глод быстро нашли общий язык.

Вот небольшая часть преступлений, совершенных Лифшицем в орбите глодовской фирмы. В декабре 1969 года Лифшиц купил у Глода бриллиант за 2 500 рублей, который перепродал в Баку за 2 800 рублей. Глод приобрел у Ибрагимова за 1 800 рублей два похищенных бриллианта, которые перепродал Лифшицу за 4 300 рублей. В марте — апреле 1970 года Лифшиц купил у Глода золотую брошь и кольцо с бриллиантами за 4 600 рублей, которые вместе с двумя ранее купленными золотыми кольцами с бриллиантами через Понаровского продал в Сухуми за 11 750 рублей.

В конце 1969 года Глод купил у Ибрагимова 4 бриллианта за 4 600 рублей, которые в апреле 1970 года перепродал Лифшицу за 14 200 рублей, нажив 9 600 рублей. Тогда же эти бриллианты и ранее приобретенные 5 золотых колец с бриллиантами он передает Понаровскому, который продает Дарбинян за 21 000 рублей. Доход Лифшиц и Понаровский делят поровну.

В феврале 1971 года Ибрагимов, все на той же Брянской, в квартире Глода, где состоялась их первая сделка, продает очередной бриллиант.

— Сколько?— спрашивает босс.

— Тысяча.

— Беру.

И далее сообщает о том, что он закрывает фирму в связи с тем, что скоро ему должны дать разрешение на выезд в Израиль.

— Могу познакомить с новым шефом,— имея в виду Лифшица, говорит Глод.— Он будет платить больше.

— Нет. Я тоже завязываю. Ухожу. На фабрике ввели строжайший контроль,— отвечает бывший пациент и верный сообщник.

И они расстались, чтобы очень скоро встретиться на скамье подсудимых.

Материалами следствия и суда установлено, что в 1967—1971 годах Глод, Ибрагимов и связанные с ними лица похитили с Московской ювелирной фабрики и московского завода «Кристалл» 42 бриллианта весом 50,71 карата, чем государству нанесли ущерб на сумму 115 945 рублей.

Кроме того, преступники в 1966—1971 годах осуществили ряд спекулятивных сделок, в процессе которых скупалось и перепродавалось золото в слитках, золотые монеты и ювелирные изделия из золота с бриллиантами. В ходе следствия у обвиняемых и их сообщников было изъято большое количество валютных ценностей, крупные суммы денег, различные дорогостоящие предметы и вещи.

В июне — августе этого года дело по обвинению указанных лиц слушалось в Московском городском суде. В приговоре суд указал, что действия Глода и Ибрагимова заслуживают высшей меры наказания — расстрела, но, учитывая, что они рассказали о своей преступной деятельности и о деятельности других лиц, суд определил меру наказания: Глоду — 15, Ибрагимову — 12, Лифшицу — 10, Исаеву — 7 лет, остальные лица приговорены к различным срокам лишения свободы.

В частном определении суд также указал, что массовое хищение бриллиантов с Московской ювелирной фабрики и московского завода «Кристалл» стало возможным потому, что на указанных предприятиях отсутствовал должный контроль за сохранностью и расходованием драгоценных камней, допускались серьезные нарушения производственного процесса и имели место другие существенные недостатки.

[1] Действительная госцена этого бриллианта была 1 000 рублей 50 копеек.

ГОРИЗОНТЫ УРАЛО-КУЗБАССА

Галина КУЛИКОВСКАЯ

III. ГОРЯЧЕЕ СЕРДЦЕ СИБИРИ

Дороги Кузбасса... Бегут они то меж невысоких гор и сизых рек, то по степи с голоногими подружками — березками в зеленых сарафанах. Деревень тут немного, больше всего поселков, сросшихся друг с другом. Терриконы, шахтерские домики, улицы — тоннели из карагача, огромные колеса подъемников над копрами, кирпичные заводы, срезанные будто под линеечку курганы вскрышных отвалов и снова терриконы... Проехали Ленинск-Кузнецкий, шахту Грамотеевскую, проплыли толстые трубы-сигары Беловской ГРЭС. Киселевск переходит в Прокопьевск — самый старый и большой угольный город Кузбасса. Отсюда пошли к Магнитке первые эшелоны с «хлебом промышленности». Едешь так пятьдесят — сто — двести километров, и всюду, как солдаты в строю, плечом к плечу шахты, поселки, заводы. Все тут говорит о том, что главное богатство кузнецкой земли — уголь. А уголь — второе после руды слагаемое металла.

Шахта Нагорная стоит на горе, как статуя на пьедестале: с нее отлично просматриваются дали. Внизу, словно расчерченный на ватмане, поселок шахты Новокузнецкой, дальше шахта Байдаевская. А еще юго-восточнее, где-то за синими горами и зелеными долами, отсюда уже невидимыми, в местной Швейцарии, как называют здесь район Чернореченска, сооружается шахта-уникум — автоматизированная и механизированная — «Распадская 1-2». Таких еще не было ни в Кузбассе, ни в Донбассе. Проектная мощность ее — 6 миллионов тонн угля в год. Нагорная дает угля примерно в пять раз меньше. Но по всему Кузбассу идет добрая слава о Нагорной. Здесь успешно были применены комплексы. Здесь работает Герой Социалистического Труда Е. И. Дроздецкий, «прославленный шахтер из Кузбасса», так о нем, делегате XXIV съезда партии, было сказано на съезде.

С Егором Ивановичем меня познакомили в Кемерове на областном собрании партактива. Роста он невысокого и вовсе не косой сажени в плечах. А я-то думала, атлет, шахтерской стати! Костюм на нем добротный, без претензии. Разговаривает тихо, вежливо, будто доктор на приеме. Пообещал, что заедет за мной в гостиницу на машине. Заехал, отвез на шахту. И вот теперь главный инженер шахты В. А. Кузьминич раскрывает фотоальбомы, объясняет, что такое комплексы, по которым Дроздецкий великий специалист. Он первым на шахте применил механизированную, передвигающуюся с помощью гидравлики крепь. «Вообще к новой технике человек он жадный,— говорит главный инженер.— Вот комбайн для проходки наклонных выработок под углом в пятьдесят градусов. Конструкцию его разработали изобретатели нашей шахты. Этот комбайн Дроздецкому тоже понравился».

Я слушаю и сопоставляю: комбайн такой, комбайн этакий, шагающие крепи, конвейеры — «электровозы собираемся заменить конвейерами»... А ведь рядом с Нагорной, на шахте Абашевской, или, как называли ее, на Абашевской копи, старожилы еще помнят: рубали уголь кайлом, широкой лопатой загребали его к тачкам и толкали их перед собой к Томи, чтоб на лодках доставить уголь в город, купцам. Прошли десятилетия, и Стаханов с помощью отбойного молотка произвел революцию в шахтерской лаве. Прошли еще десятилетия, и стахановский переворот стал уделом учебников по истории.

Что же это за люди, которые так легко владеют сегодня комбайново-шагающей техникой?

— Посмотрели бы вы, какие приходят к нам армейцы,— говорит Дроздецкий,— десять классов, училище, а то и техникум. А если этого кое у кого нет, то обязательно учатся. В нашей бригаде немало студентов... И с дипломами есть ребята. Сокольский, например, инженер, а уходить от нас не желает, предлагали ему.

— Все сибиряки?

— Сибиряк я, из-под Новосибирска. А так кто откуда — интернационал. Мой первый зам — Резо Джемухадзе — родился под Тварчели. Исключительно добросовестный, надеюсь на него, как на себя. Тимощук — с Тернопольщины. Урбайтис — из Латвии. Якупов — из Татарии. Это все звеньевые. Есть у нас ребята из Белоруссии и Мордовии. Но самое главное не в том, какая у кого национальность обозначена в паспорте. Разве это имеет какое-нибудь значение? Самое главное — дружба. Вот задумал кто-то покупать машину, очередь подошла, а денег не хватает. В получку все без звука, без уговора, кладут ему на ладонь по сотне. Бери, обернемся! Долго болел Николай Поклонов, тяжелая травма у него была. Дрова ему заготавливали, привезли лес и погреб построили. А с одним нашим товарищем вот какая произошла история. Фамилии его называть не буду, работник он — золото. Но вот захотелось ему пожить там, где солнце жарче греет. Продал он мотоцикл, дом, вещички в чемоданы, детей под мышки и укатил... Даже писем не получали. Посовестился писать. И вдруг видим, идет у нас по улице. Обрадовались своим, как родным. «Ну что, да как?» — спрашиваем. «Не смог я там, прикипел к Кузбассу».

Сам Дроздецкий о себе рассказывал: «Спускался первый раз в шахту, думал, посмотрю, как, мол, там-люди, под землей работают. А как спустился, так и не вылез больше. Черт те как понравилось! Хоть и без огня у нас работа, а горячая. Давай, давай побыстрее! Люблю, чтоб все кипело!»

— Как же вы поступили со своим беглецом?

— Приняли, конечно. Стали мы советоваться, как ему теперь жить. С грошами туго, все промотал. «А что тут долго думать,— возмутился Резо,— у кого сколько есть — несите!» По песне получилось: «Паренька приметили, руку дружбы подали...»

■

От Нагорной рукой подать до домен. Металл рождается тут же, в отрогах кузнецкого Алатау, и уже чувствуется его близость. Грохочут наполненные рудой и углем поезда. Идут тяжелые грузовики с машинами и оборудованием. А сам Новокузнецк стал городом-садом: зеленые проспекты, уютные дома, бульвары, парки, фонтаны. Уж не на юге ли мы где-то? В самом центре, напротив театра, под сенью вековых лиственниц,— стройная колонна черного мрамора. Гордо посаженная голова, орлиный взгляд: Бардин. Инженер. Академик. Строитель Кузнецкого комбината, ставшего восточной опорой Урало-Кузбасского комплекса. А на горе, за комбинатом, в березовой роще — плита из черного мрамора и высеченные на ней слова: «Великий мастер доменного дела М. К. Курако». К ним можно добавить — великий романтик доменного дела! Он горячо верил в то, что здесь, в Сибири, именно все так и будет — и этот город и заводы... Теперь здесь уже два металлургических гиганта. Чуть выше по Томи, уже на левом ее берегу, раскинулся Запсиб—детище последних пятилеток. На великолепно спланированной площадке уже действуют десятки корпусов первой очереди, оснащенных по последнему слову техники. Впрочем, определение «последнее», «самое новое» на Западно-Сибирском металлургическом заводе утратило свой смысл — едва успевает поступить долгожданное оборудование, как начинается его переделка и модернизация. Так было с конверторами, принесшими добрую славу заводу. Так происходит с прокатными станами.

Я была в конверторном цехе и видела, как послушно кланяются людям гудящие, огнедышащие, подобно вулканам, огромные грушевидные «чугуны». Сорок минут — и сто тридцать тонн металла низвергаются в ковш. Сорок минут! Даже для приготовления обыкновенных мясных щей и то, пожалуй, сорока минут не хватит. А тут сто тридцать тонн! Если их превратить в прокат, получится примерно 100 тонн листа. «Жигули» весят восемьсот девяносто килограммов, грубо говоря, выходит свыше ста легковых машин. Вот что такое современное сталеварение!

Старший конверторщик Раис Фаузиевич Нургалиев — он, кстати, 29 декабря 1968 года принял первую конверторную сталь Сибири — подробно объяснял мне, как, применив целый ряд усовершенствований и изобретений, сталеплавильщики вывели агрегаты на проектную мощность. Обычно на это уходит времени в четыре раза больше. А потом тут и вовсе перекрыли все нормы и проекты. Теперь три агрегата дают столько стали, сколько положено четырем — четырем с половиной! Иначе конверторщики и не могли поступить. Потому что коммунисты Запсиба на всю страну бросили клич: за досрочное освоение новых мощностей! ЦК КПСС, Совет Министров СССР и ВЦСПС приняли постановление, одобрившее инициативу завода.

Мощь завода определяется сталью, честь

Почетный металлург, старший конверторщик Запсиба Раис Нургалиев.

Рисунок заслуженного деятеля искусств РСФСР, профессора, лауреата Государственных премий К. Максимова.

Окончание. Начало см. в № 38.

его — прокатом. Проволочный стан, пущенный на Запсибе, вызывал у всех восхищение: колоссальный, высокопроизводительный. Катанка из последней клети вылетает с бешеной скоростью — 34 метра в секунду. Постарались друзья из ГДР — стан был сделан на заводе имени Эрнста Тельмана в Магдебурге. Однако Кугушин, главный прокатчик, был весьма сдержан в своих оценках. Сам он магнитогорец, работал на комбинате начальником проволочно-штрипсового цеха. Попал сюда, можно сказать, случайно: назначили председателем госкомиссии по приемке проволочного стана, потом предложили остаться. Такова уж Магнитка — кадры ее всегда и везде нарасхват! А тут еще этот самый стан, «зацепил» Кугушина, усмотрел он в нем слабые места... В общем, скорость — 34 метра в секунду — его не устраивала. Он считал, что можно работать на больших скоростях. Для этого нужно заменить существующие громоздкие клети, предусмотренные заказчиком, на компактные, совсем иначе устроенные блоки.

Но как убедить всех, что этот новенький, с иголочки стан нужно переделать? Пришлось засесть за весомые доказательства — экспериментальные и теоретические, а потом «пробивать» свою идею. Это оказалось занятием более трудоемким, чем разработка выкладок и расчетов. С ним даже соглашались, но тут же возникал вопрос: где взять средства? Может, подождать лет десять? Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы не Сергей Павлович Антонов, главный инженер ГУМПа. Тогда он там работал, а сейчас начальник отдела металлургии Госкомитета по науке и технике. Когда-то он сам был начальником цеха на Магнитке и опекал молодого инженера Кугушина. Антонову настолько важной показалась проблема блоков, что он собрал специальное совещание по этому вопросу,—«Если мы действительно боремся за технический прогресс, то надо делать блоки!» Техническому директору фирмы из Магдебурга X. Титке идея Кугушина понравилась; он заявил, что немецкие конструкторы с радостью приступят к реализации этой задачи. «Это и есть настоящее, творческое сотрудничество»,— сказал он.

Александр Андреевич Кугушин, теперь он главный инженер Западно-Сибирского металлургического завода, знакомя меня со станом, подвел к установке — она не больше письменного стола,— смонтированной перед моталками.

— Вот этот блок. Мы с коллегами из Магдебурга назвали его «Тельман-блоком». Это плод союза немецких конструкторов и советских металлургов. «Тельман-блок» обеспечивает скорость проката до 45 метров в секунду с повышенной точностью, что очень важно для метизных заводов. Когда блоки будут установлены на всех четырех нитках стана, то в год это нам даст 60 тысяч тонн проволоки дополнительно, то есть проектные мощности будут перекрыты.

— Плюс ваша диссертация на эту тему. Вы, кажется, в марте ее защищали?

— Успел. Теперь было бы не до нее. Объем работ нарастает с каждым месяцем. Тридцатого июня Государственная комиссия приняла еще один стан. Мы обязались достигнуть проектной мощности на нем за полгода, к пятидесятилетию СССР, вместо положенных двух лет. А еще домны, конверторы...

Когда молодой организм недомогает, делают скидку: «болезни роста». Восьмилетний Запсиб в такой скидке не нуждается: недомоганий нет, налицо другое — бурные признаки роста. И сам завод — весьма перспективная, равная «точка» на географической карте Урало-Кузбасса: по производству стали он подбирается уже сейчас к своему сорокалетнему земляку — металлургическому комбинату. Но ведь строится еще один конверторный цех! Так волею партии, усилиями советского народа из года в год растет третья металлургическая база страны.

■ Все большую силу набирает и столица области — Кемерово, центр химической индустрии в Сибири. Начался этот процесс давно, еще в первые годы Советской власти.

В 1921 году группа американских рабочих и инженеров во главе с известным деятелем американского рабочего движения Вилли Хейвудом и голландским коммунистом С. Ю. Рутгерсом, во исполнение своего интернационального долга перед первой в мире Советской страной, предложила наладить на шахтах Кузбасса современную добычу угля и получения кокса. В. И. Ленин, настойчиво проводя в жизнь свой план комбинированного использования ресурсов Урала и Сибири, принимал непосредственное участие в переговорах. В результате была создана «Автономная индустриальная колония Кузбасс» — АИК, которой Советское правительство передало в управление несколько угольных предприятий в районе Кемерова и Надеждинский завод на Урале.

В Щегловск приехало около двухсот рабочих и инженеров с семьями. Был среди них и американский коммунист Франц Грунд. Родился и вырос он в Нью-Йорке. В Кузбассе работал сначала крепильщиком на шахтах Владимирская и Северная, а в марте 1924 года участвовал в получении первого кокса на Щегловском коксохимическом заводе: вскоре этот кокс пошел в доменные печи старых уральских заводов.

Франц Грунд вначале был аппаратчиком, а когда заводу понадобились специалисты, его в числе кадровых рабочих послали учиться в Томский политехнический институт: у себя на родине он и не мечтал стать инженером. В 1936 году Грунд принял советское подданство. СССР стал его второй родиной. На глазах американского коммуниста тихий, провинциальный Щегловск превращался в современное Кемерово. Сначала была построена Кемеровская ГРЭС, потом группа заводов, связанных с переработкой продуктов каменного угля, азотнотуковый, лакокрасочный, «Карболит», химико-фармацевтический. Наконец, возглавил эту внушительную эскадру химии Новокемеровский химкомбинат. Здесь делают минеральные удобрения, капролактам, антистаритель, необходимый для получения различных резиновых изделий.

Однако Ф. Грунда — он и сейчас работает на коксохимическом заводе заместителем начальника бензольно-нафталинового цеха — больше всего поразило не только бурное становление промышленности Кузбасса, но и социальные перемены, взаимоотношения между людьми, о которых он, живя в Америке, не имел и понятия. Об этом он недавно написал в газету «Кузбасс»:

«В Бронксе, где жила наша семья, рабочий люд селился общинами по национальному признаку. Мы жили в квартале, где преобладали выходцы из Германии и Австрии. Протестанты держались отчужденно от католиков... Первое, что бросилось мне в глаза в Кузбассе, так это то, что люди хорошо ладили между собой. Принадлежность к разным национальностям не была препятствием. Все, что даже отдаленно могло быть похожим на проявление националистических чувств, встречало резкое осуждение. К нам, американцам, несмотря на наше незнание языка и несходство обычаев, окружающие относились с искренним дружелюбием.

Могу привести множество примеров, как люди разных национальностей приходили на помощь друг другу. Когда в марте 1929 года загорелся тепляк на коксовой батарее, все, кто находился тогда поблизости, боролись с огнем, рискуя жизнью. Среди них были русские, татары, украинцы, чуваши. В тот драматический час, спасая человеческие жизни и народное добро, они стояли плечом к плечу...»

В заключение Грунд пишет о дружбе Кемеровского завода с родственным Ясиновским, что на Украине.

Интернационализм, естественный для советского человека, как само дыхание, пронизывает все сферы бытия нашего общества. О том, как дружба между народами преломляется в жизни Кузбасса, рассказывал

АФАНАСИЙ ФЕДОРОВИЧ ЕШТОКИН, ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ КЕМЕРОВСКОГО ОБКОМА КПСС:

— Первые рельсы, которые были прокатаны на Кузнецком металлургическом комбинате, пошли на сооружение Турксиба. Эта магистраль дружбы положила начало прочным экономическим связям Сибири с Казахстаном и Средней Азией. По ней мы отправляем на юго-восток и на юг металл, уголь, азотные удобрения, главным образом для хлопковых полей Средней Азии. По ней мы получаем руду, хлопок, фрукты. О людях Кузбасса заботятся и наши друзья из республик Прибалтики, с Украины. Они шлют нам изделия легкой промышленности, Молдавия — виноград, консервы, вина. Товарообмен увеличивается с каждым годом. Что же касается вывоза угля, то главной топливной осью, как и предсказывал Владимир Ильич Ленин, стало уральское направление. На нашем угле и коксе работают Магнитогорский, Нижнетагильский, Орско-Халиловский комбинаты, Челябинский металлургический завод. Энергетические угли направляются на крупнейшие целлюлозно-бумажные комбинаты страны и электростанции Сибири. Покупают наш уголь зарубежные страны, и в частности Япония.

Дальнейшее развитие бассейна чрезвычайно выгодно для страны. Запасы угля здесь колоссальны, особенно высокосортного коксующегося, и добыча его обходится дешевле, чем в других местах. Исходя из этого кемеровская партийная организация внесла предложение о развитии Ерунаковского месторождения. Здесь сооружаются Новоколбинский разрез и шахта «Распадская 1-2».

В. В. Куйбышев как-то сказал по поводу сооружения Кузнецкого металлургического комбината, что это будет глубокая разведка партии и рабочего класса в завтрашний день нашей страны. Этот день настал! Ленинская стратегия сыграла решающую роль в наращивании экономического потенциала на востоке страны. Величайшая заслуга партии состоит в том, что она вовремя приступила к формированию Урало-Кузбасса,— без него затруднительной была бы победа в сорок пятом году. Новосибирский металлургический, машино- и приборостроительный заводы, Рубцовский тракторный, красноярский «Сибтяжмаш», Иркутский машиностроительный, Улан-Удэнский локомотиворемонтный, десятки других заводов и очагов индустрии — все они производные, как говорят математики, от Урало-Кузбасса. За сорок лет комплекс стал стартовой площадкой для развития Томской, Омской, Тюменской областей, Алтайского и Красноярского краев. Многое должен сделать для индустриализации Востока страны и растущий Западно-Сибирский металлургический завод. Сибири нужны свои трубы для нефтегазовой промышленности, свой лист. Прокат понадобится Абаканскому вагоностроительному заводу. Нашей области предстоит поднять в этой пятилетке четвертое звено экономики — машиностроение. С нетерпением ждут наши города и тюменский газ.

Я напомнила Афанасию Федоровичу Ештокину о мемуарах академика Бардина, в которых он писал, что по дороге в Кузнецк в 29-м году его поразили огромные, еще никем не обжитые пространства. Много ли появилось новых городов на карте Кемеровской области?

— До 1917 года на территории нынешней Кемеровской области с населением более 10 тысяч человек был только один город — Мариинск, известный в то время больше... городской тюрьмой. За последние сорок лет на кузнецкой земле возникло двенадцать городов и 39 поселков городского типа. В их числе Анжеро-Судженск, Белово, Киселевск, Осинники, Прокопьевск. Рост добычи угля на юге области привел к появлению бурно растущего и очень красивого города — Междуреченска, население его быстро приближается к 100 тысячам. Наконец, самый молодой город у нас — Березовский. Ему всего 6 лет. Да и старые наши города стали совсем иными. В центре внимания партийных и хозяйственных организаций их облик, удобства, рост жилищного фонда.

Про Кузбасс говорят: стальное сердце Сибири. Действительно, своими очертаниями на географической карте Кемеровская область напоминает сердце. По площади это крохотная частица советской земли — менее половины одного процента. Но как много она дает Родине! Я бы про нее сказала: горячее сердце Сибири!

С. Бабиков (Ашхабад). У РЫБАКОВ КАСПИЯ.

З. Иногамов (Ташкент). ЧАЙХАНЩИК.

СЧАСТЛИВЫЙ СЛУЧАЙ

Джулиан МЭЙФИЛД

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

XI

Джеймс Ли вконец запутался. Он не хотел терять Эсси, но и жениться не хотел. Она же с самого начала к этому стремилась, только замужество сделает ее счастливой, а его это не устраивало. Все и так идет неплохо, зачем же что-то менять? Он ее не любит. Когда любишь женщину, тебя все в ней поражает: внешность, привычки — и нет сил сопротивляться. Вот что значит любить.

А с Эсси он спит без любви вот уже больше года, она для него — открытая книга. Самая заурядная, ничем поразить не может. Просто смазливая девушка с Юга, которая от него без ума.

Его жизнь буксует, как грузовик в грязи. Он и стыдился того, как обращается с Эсси, и в то же время считал, что, собственно, стыдиться нечего. Такая уж женская доля — терпеть. Беда в том, что ему уже двадцать шесть, а он ничего не успел и не достиг ничего. Эсси, пожалуй, единственная, в ком он может не сомневаться, и его мучило странное предчувствие, что, потеряв ее, он всего лишится.

Еще за три квартала до пирса возникла пробка. «Квин Мэри» дала громкий, беспокойный гудок и выжидательно замолкла. Машины проползли еще несколько футов и снова стали. В кабине было не продохнуть, одежда на Джеймсе Ли взмокла. Снова зудела ягодица, но почесаться нельзя: сзади две пассажирки. Он заелозил по сиденью, стараясь не привлечь внимания женщин.

Опять вспомнилась армия. Три вещи отчетливо всплывали в памяти: Лерой Батлер, наступивший на мину в Пхеньяне; гранатный разрыв и ощущение тысячи иголок, впившихся в тело; и тот тип, Макгован.

Джеймс Ли смотрел как раз на Лероя Батлера, и тут мина столбом взметнула землю, а когда пыль осела, от парня не осталось и воспоминания. Просто глазам не верилось. Потом он убедил себя, что это все же произошло, и его охватило жутковатое изумление. Вот так можешь вмиг лишиться всего, испариться, и ничего от тебя не останется. Он и раньше видел, как гибнут люди. Но мысль о том, что можно внезапно исчезнуть совсем, бесследно, внушала ему цепенящий страх.

Разумеется, он запомнил гранату. Джеймс Ли полз позади своего взвода, когда она взорвалась. Они только что прочесали тыл, и, казалось, можно двигаться вперед без опаски. Но гранату швырнули сзади. Взрыв сделал все остальное смешным и нелепым. Вспоминая ту корейскую зиму, большое наступление на Ялу, он в первую очередь думал не об ужасных холодах и обледеневших трупах. Прежде всего возникал вопрос: как мог противник очутиться сзади, если они только что прочесали тыл? Это казалось чудны́м, нелепым, как и весь тот безумный год.

Но вот почему в голову лезет Макгован? Мало ли с кем сводила его война! Джеймсу Ли Макгован сразу не понравился. Давно бы пора его забыть...

Это был негр, сосед по палате в иокогамском госпитале. Его койка стояла в углу, а Джеймса Ли положили рядом. Коротышка, уродина, брился только перед инспекторской проверкой. Остальные негры в палате сторонились Макгована, опасаясь его злобных речей. Джеймс Ли, наверно, последовал бы их примеру, но первые несколько недель он был прикован к постели. Макгован заговорил с ним на второе утро за завтраком. Он сидел на койке, держа поднос на коленях. У него была привычка жевать и говорить одновременно.

— Приятель, что ты здесь делаешь? — В голосе не было и намека на дружелюбие.— Твой дом далеко отсюда.

— Наверно, твой тоже,— отозвался Джеймс Ли.

— Верно, черт побери,— согласился Макгован и ухмыльнулся так, будто ему самому это не приходило в голову.— Говорят, тебе задницу распороли, да?

— Ага.

Макгован прыснул. Прошло всего несколько дней, как Джеймса Ли ранило, и боль ни на секунду не утихала. Он был зол и мрачен.

— Что же в этом смешного?

— Старина, у тебя нет чувства юмора. Выходит, ты тащился сюда, в такую даль, с винтовкой и со всей дурацкой амуницией для того только, чтобы тебе раскроили зад.— Он сделал над собой усилие, чтобы не расхохотаться, но не сдержался. Его недоразвитое тельце так тряслось, что поднос с завтраком едва не перевернулся.

— Друг,— сказал он, придя на миг в себя,— вполне можно было это сделать дома.

Джеймс Ли молча наблюдал за ним. Парень явно с придурью. Нет сил подняться с койки, съездить кулаком по этой распахнутой пасти с неровными зубами!..

Макгован наконец угомонился, поправил поднос на коленях и стал снова наворачивать за обе щеки.

— Ты откуда родом?

— Из Нью-Йорка, а что?

— Нью-Йорк,— хмыкнул он,— я думал, негры там поумней. Сам-то я простак, с Юга. Родился и вырос в Кентукки. Не обращай на меня внимания, я ненормальный.

— Охотно верю,— сухо буркнул Джеймс Ли.

— Что ты потерял в тех сопках? — Макгован ткнул пальцем в сторону Кореи.

— Меня послали,— отрезал Джеймс Ли.— А ты что думал?

— Лучше скажи, что ты думал? — выпалил Макгован.— На вид ты не полный идиот. Разве не знал, что тебя здесь могут убить? Или считал, что корейцы с китайцами дурака валяют?

— Ну, а ты что там оставил? — Джеймс Ли полагал, что в палате лежат одни раненые с корейского фронта.

— Где это «там»? — Макгован скорчил недоуменную гримасу, но глазки его весело сверкали. Он снова показал пальцем в направлении Кореи.— Там? Меня туда не затащишь ни живым, ни мертвым. Во всяком случае, до тех пор, пока там стреляют, воюют, сражаются и галдят.

Он подмигнул Джеймсу Ли.

— Я животом маюсь. Как узнал, куда нас посылают, так и началось. И никак не проходит.— Он откусил огромный кусок и принялся яростно жевать.

— Так, значит, ты не ранен! — сказал с презрением Джеймс Ли. Сколько ледяных ночей мерз он в корейской грязи, его дружки до сих пор там. А Лерой Батлер!

— Тсс, приятель,— насупился Макгован,— ты что задумал? Решил испортить мне игру?

Некоторое время спустя он снова заговорил с Джеймсом Ли:

— Послушай, приятель, а ты знаешь, за что воюют эти люди?

— Глупый вопрос,— зло ответил Джеймс Ли,— откуда мне знать! Можно подумать, что ты знаешь.

— Я не знаю,— засмеялся Макгован,— да думал, ты знаешь, после того как тебе там нашпиговали задницу свинцом и сталью. И еще скажу тебе, мистер, если я куда поеду, где стреляют и убивают, то у меня будет более серьезная причина, чем «меня послали». Можешь мне поверить!

Вскоре Джеймс Ли уже ненавидел соседа по палате. Но тот будто его околдовал. Каждое утро он просыпался с одной мыслью: «Что еще этот безумец скажет?» Выяснилось, что Макгован из Луизвилля, штат Кентукки, он отучился год в колледже до того, как его призвали. Макгован, единственный в палате, пользовался библиотекой Красного Креста, но, по мнению Джеймса Ли, ни его речь, ни манеры не свидетельствовали о большой культуре. Все Макгована невзлюбили — и, надо сказать, за дело. Он был груб и задирист. Если раненые в палате хором смеялись какой-то шутке, Макгован не находил в ней ничего смешного. Когда им показывали фильмы, он хохотал в самых неподходящих местах, во время чувствительных сцен, сопровождаемых душещипательной музыкой, зля и смущая тех, кого захватывал сюжет. Странно, что до сих пор никто его не отдубасил. Драки не были здесь редкостью, но Макгована не трогали, как бы невольно признавая его авторитет.

Однажды он сказал Джеймсу Ли:

— Знаешь, парень, тебе грозит опасность, а ты и ухом не ведешь.

— Какая опасность, Профессор? — Так окрестили Макгована в палате.

— Когда китаец сунул тебе в зад гранату, ты хоть задумался на миг? Не сказал ли ты себе: «Эй, да ведь меня так убьют и не спросят даже!»

Действительно, Джеймс Ли так думал или, вернее, что-то в этом роде чувствовал, но не сознался.

— Большинство людей всю жизнь пляшет под чью-то дудку,— продолжал Макгован,— как бараны, плетутся туда, куда их гонят. Что значит их смерть? Ничего, потому что они и не жили никогда, как люди.

Макгован откинулся на подушку и уставился в потолок.

— Главное наше право — это право жить, дружище. Тебе отмерено столько-то лет, дней и минут. Надо потратить их с толком. Жизнь — бесценная штука, и мне от души жаль тех, кто не умеет сам распорядиться своей судьбой. Словно ты не человек, а дом, в котором сда-

---

Продолжение. См. «Огонек» №№ 36—38.

ются все комнаты чужим людям, а хозяин спит во дворе, потому что для себя не оставил места. Вот какое дело.

Многое из того, что говорил Макгован, было неясно, но почти всегда от его слов Джеймсу Ли делалось не по себе. Он не находил, что ответить.

В другой раз Макгован внезапно спросил:

— Парень, а девушка у тебя дома есть?

— И не одна, а в чем дело?

Макгован фыркнул, но в этом вопросе Джеймс Ли чувствовал себя уверенно. Он всегда нравился женщинам. Щуплый, уродливый Макгован, надо думать, этим похвастаться не может.

— У тебя-то самого есть девушка?

— Девушки нет, жена есть,— ответил Макгован, и в руке у него оказалась фотокарточка, которую он протянул Джеймсу Ли. На ней была изображена улыбающаяся, полная и вполне миловидная женщина с ребенком на руках. Джеймса Ли удивило, что она не уродина. Что она в Макговане нашла?

— Чтобы по-настоящему оценить женщину, приятель,— говорил Макгован,— нужно суметь ей в душу заглянуть. Только тогда чего-то в жизни поймешь. Вот какое дело.

Он забрал фотографию, сунул ее под подушку, лег, закрыл глаза и уснул.

Доктора были особенно внимательны к Макговану. По их мнению, это был единственный интересный пациент во всей палате. Его без конца просвечивали рентгеном. Приезжих специалистов по внутренним болезням прежде всего подводили к койке Макгована. У него регулярно случались поносы, никакие лекарства не помогали.

— Все дело в том, чтобы сосредоточиться,— объяснял он потихоньку Джеймсу Ли,— достаточно мне подумать, что я болен, и меня тут же несет.

Но настал конец везению Макгована. Случилось это примерно через месяц, как Джеймс Ли поступил в госпиталь. Главный врач полковник Вейлан пришел поздравить рядового Макгована. Тщательнейшие исследования показали, что все хвори рядового легко излечимы в целительных условиях переднего края. Через несколько дней Макгован сможет вернуться в родную часть. Полковник пожал рядовому руку. Макгован поблагодарил офицера за внимательное отношение, и полковник ушел.

Джеймс Ли давно так не смеялся. Ему самому предстояло еще несколько операций, и никаких шансов на возвращение в окопы не оставалось. Приятно думать, что Макгована наверняка пристрелят в северокорейской метели. Джеймс Ли поделился с Профессором своими мыслями, прибавив, что смерть тому будет поделом.

Макгован воспринял трагическое известие с внешним хладнокровием и невозмутимостью. Он заявил во всеуслышание, что счастлив наконец выйти из госпиталя. Он человек деятельный, и ему надоело валяться в пижаме и халате. Он обещал прислать им открытку из Кореи.

Но в три часа утра, когда госпиталь мирно спал, Макгован вдруг истошно заголосил. Джеймс Ли проснулся от леденящих кровь воплей. Зажегся свет. Макгован сидел на кровати, уставясь на противоположную стену. В палату вбежали заспанные санитары и врачи, с опаской приблизились к маленькому безумцу. Макгован внезапно вскочил с постели и сбил с ног одного из санитаров. Другие набросились на него, но с неожиданной силой он отшвырнул их и с душераздирающим криком заметался по палате, опрокидывая тумбочки. Раздался звон разбитого стекла. Вдруг он перестал кричать, запел и пустился в пляс.

«Потому что я кудрявый,
Белозубый, стройный, бравый —
Вот почему зовут меня Орел».

Пижамные штаны с него свалились, застывшее лицо с неистовыми глазами делало его похожим на сломавшуюся заводную куклу. Санитары загнали его в угол. Он отбивался, молотил кулаками кого попало. Джеймс Ли как завороженный сидел на кровати, ему казалось, что это дурной сон.

Санитары притащили простыни и смирительную рубаху. Джеймсу Ли они напомнили ряженых на святках. Макгована в конце концов повалили на пол, но он все еще вращал кулаками, дрыгал ногами и горланил песню. Рядом стоял врач со шприцем наготове. Когда больного связали, врач подошел и сделал ему укол. Санитары подняли Макгована и понесли из палаты. Когда они протискивались в дверь, Макгован повернул голову набок и подмигнул,— Джеймс Ли готов был побожиться в этом.

— Водитель! — резкий голос пассажирки прервал его мысли.

— Да, мадам?

— Разве мы едем кратчайшей дорогой?

— На мой взгляд, да. Центр всегда забит...

— Езжайте в таком случае по Парк-авеню.

Она, конечно, права. Парк-авеню свободнее Пятой. Но ему не до работы. Выехав на красивый проезд с шестирядным движением, они медленно, но верно продвигались вперед. Чем хороша профессия таксиста, думал Джеймс Ли, так это тем, что высадишь пассажиров и никогда их больше не увидишь. Он прибавил газу, выскочил на мост у вокзала «Гранд Сентрал» и снова вспомнил об Эсси.

Нет, не хочет он на ней жениться. А чего же он хочет? Что ему вообще надо от женщин? Черт! Через четыре года ему стукнет тридцать, а там время помчится еще быстрее. Не успеешь оглянуться — тебе уже сорок. Жизнь промелькнет, как сон, и не заметишь! Пора браться за ум. Все люди к чему-то стремятся, пусть им не удается достичь цели, но хоть в их существовании есть какой-то смысл. А он? В двадцать шесть лет надо знать, чего от жизни ждешь.

Высадив пассажирку, Джеймс Ли повернул к Вест-Сайду. Он поедет к Ирете, ему необходимо увидеть Эсси. Чем скорее они помирятся, тем лучше.

XII

Пробило час дня, а Джон Льюис все ломал себе голову. Он записал и проверил все ставки, сделанные этим утром. Главным образом ставили на «фаворитов», эти деньги он передаст в центральный банк. Все одинары тоже, потому что шансы выиграть в одинаре значительно выше, чем в дубле и тройной комбинации. Себе он оставит деньги, поставленные на неходкие номера, и те трехзначные комбинации, которые загадали один, от силы два человека.

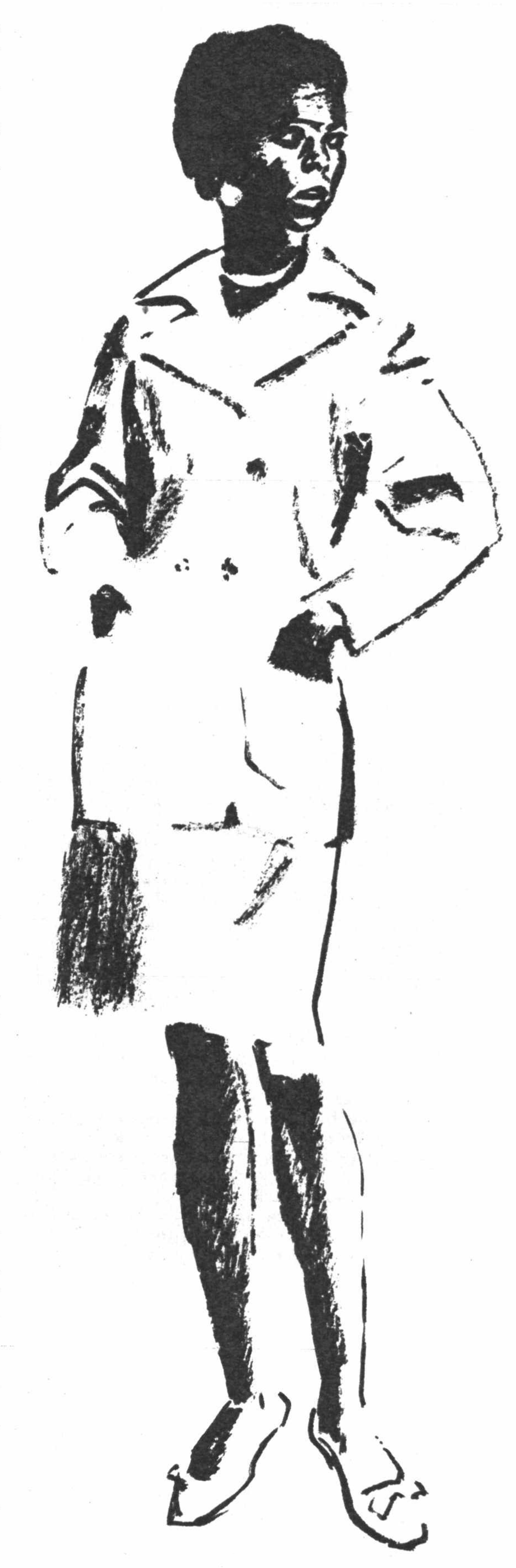
Вопрос в том, как поступить с деньгами, поставленными на цифры 7, 1 и 4. Помимо семи долларов Губерта на 417, еще пятнадцать долларов поставлено на другие возможные сочетания трех этих цифр.

Джона Льюиса смущало то обстоятельство, что ни одна из лошадей под этими номерами в предстоящих заездах не была «фаворитом». Так называемые счастливые номера, как правило, меняются каждую неделю. Но некоторые удерживались даже в течение нескольких месяцев, а такие, например, как 711 или 510, вот уже двадцать лет считаются везучими.

Счастливые номера сообщались из уст в уста, передавались из квартала в квартал, моду на них можно было проследить по книгам Джона Льюиса. Две недели назад многие ставили на 941, а на прошлой неделе в ставках часто фигурировали цифры 4 и 1. Поэтому странно, чтобы кто-то считал сочетание 4, 1 и 7 счастливым. И все-таки больше двадцати долларов поставлено на эти цифры.

Джон Льюис отделил эти деньги от остальных. Сам он никогда не играл, ибо знал, что на игре наживаются лишь ее хозяева. Но, не рискуя собственными деньгами, он иногда пробовал угадать, какой номер придет, и довольно часто отгадывал верно, чем весьма гордился. В то утро он сказал себе, что не поставил бы и пенни на любое из сочетаний 4, 7 и 1. Эти деньги канут в сейфах главного банка. Внезапно Джон Льюис пришел к неожиданному решению. Он оставит эти двадцать долларов себе, присовокупит к своему банку. Нет и одного шанса на пятьдесят тысяч, что четверка или единица придут сегодня, и уж ни в коем случае составленное из этих цифр число. Это почти наверняка. Он сложил банкноты, в том числе семь долларов Губерта, и засунул их в карман. Приняв решение, Джон Льюис сразу испытал облегчение. Эти деньги сами идут ему в руки, с какой же стати отдавать их белым боссам? Он сходил на кухню и вернулся с бутылкой холодного пива. Ему казалось, что он видит лошадей, выстроенных на старте в Саратоге.

— Лишь бы они проиграли,— шептал Джон Льюис,— пусть никто не отгадает!

Итак, пружина великого механизма Мечты закручена до отказа. Ставки сделаны, игроки ждут. Достаточно поворота рукоятки — и все придет в движение!

«...Господи, пусть выпадет сегодня номер 316. Ты знаешь, какая у меня жизнь. Трех детей надо накормить, а муж сбежал. Я простила его, как ты велел, и не желаю ему зла... Но

трудно с тремя-то детьми на тридцать долларов в неделю. Если выиграю, куплю ботиночки маленькому Джонни, и Мэри, и Саре Лу, и одежонку, чтобы было в чем ходить в школу... Так что, прошу тебя, господи, пусть выпадет номер 316...»

«...Девушке надо одеваться по моде, иначе мужчина на нее и не взглянет... платья, белье, сумочка... Клянусь честью, у меня ничего нет. Разве на все это заработаешь? Мой номер 212...»

«...Прямо ума не приложу: работаешь как вол, а денег нет никогда. Если сегодня не сыграет номер 530, уж и не знаю, что буду делать. За телевизор надо платить, за холодильник, за мебель, за машину — до первого не заплатишь, отберут. Одна надежда на выигрыш...»

«...Пусть сегодня придет номер 728. Гарлем тогда про меня услышит! Сниму люкс в «Терезе», закачу попойку на целую неделю, куплю такой «кадиллак», какого в Гарлеме еще не видели, с телевизором в кабине! Может, даже маме домой пошлю деньжат. Старушке туго приходится в последнее время...»

«...Господи, необходима новая церковь, чтобы наставлять этих грешников на путь истинный. Видел я подходящее помещение на углу Сто тридцать шестой улицы и Ленокс-авеню, навел справки, его можно снять за сто двадцать пять долларов в месяц. Хозяева просят за два месяца вперед, но ты же знаешь, нет у меня таких денег. А какое прекрасное место для церкви «Святого агнца»! Оттуда, господи, правда твоего слова, исполненного любви, разольется по Гарлему и вернет заблудших овечек в стадо. Мой номер 471. Господи, уповаю на щедрость и доброту твою. Во имя Иисуса Христа взываю о помощи. Вечной будет моя признательность! Аминь...»

XIII

К двум часам в салоне красоты у Мэйбл кипела работа. Все три кабины были заняты, еще две женщины сохли под фенами. Мэйбл помогали две мастерицы, платившие ей за аренду и прокат оборудования. Мэйбл и по летам была старше помощниц, поэтому держала себя с ними, как подобает хозяйке. Она часто хвалила их, но делалось это свысока, так мэтр хвалит прилежных учеников. Между ними тремя шло негласное соревнование, у каждой были свои постоянные клиентки, которыми они гордились друг перед другом. Но, в общем, они ладили между собой, иначе нельзя: помещение крошечное, работы полно, не хватало еще ссориться!

Мэйбл с горячими щипцами в руках хлопотала над сидевшей в ее кресле девушкой.

— Красиво они у тебя растут.

— Правда, мисс Мэйбл? — обрадовалась девушка. Ее мать причесывалась здесь. И если у девушки будет дочь, та тоже станет клиенткой Мэйбл.

— Не пора ли тебе замуж, милочка? — Личная жизнь клиенток кровно интересовала Мэйбл. Это граничило со страстью. Не успевала женщина усесться в кресло, как Мэйбл самым дружелюбным тоном приступала к допросу. Таким образом ей удавалось быть в курсе всего, что происходит в Гарлеме.

— Есть кто-нибудь на примете? — допытывалась Мэйбл. Девушка смущенно улыбнулась. Мэйбл добродушно хихикнула и переменила тему. Завтра должна прийти мать девушки, и Мэйбл все разузнает.

Одна из помощниц, Люсиль, мыла клиентке голову.

— Зачем она это сделала? — спросила Люсиль.

— Говорит, что надоело жить с ним.— Шум воды приглушал голос женщины.

— В ее возрасте другого себе не сыщешь.

— Я ей говорила, а она твердит, что ей никто не нужен.

Люсиль недоверчиво хмыкнула:

— Не такая уж она старуха.

— А чем он ей так насолил, бил ее, что ли? — вступила в разговор третья мастерица, Алиса.

— Нет, но он изменял ей с другими.

— И это все?— Люсиль изумленно цокнула языком.

Голос диктора прервал передававшийся по радио фокстрот: «Мы получили сообщение о первом забеге в Саратоге. Слушайте результаты первого забега».

Алиса подбежала к приемнику, на столике заранее были приготовлены карандаш и бумага. Она записала номер победителя и сумму приза. Снова заиграла музыка. Подсчитав что-то, Алиса нахмурилась.

— Как ты играла сегодня? — спросила она у Мэйбл.

— Поставила пять долларов на четверку,— отозвалась Мэйбл сладеньким голоском.

— Ну, как вам нравится! — Алиса отложила карандаш и бумагу и вернулась к своей клиентке.— Деньги нужны мне, а выиграла опять Мэйбл. Где справедливость?

— Я для того и играю, чтоб выигрывать, девочки,— сказала Мэйбл.— И нечего вам на меня злиться.

— Неужто пришла четверка? А я убухала все деньги на номер шесть! — пожаловалась Люсиль.

— Насколько я понимаю, именно четверка,— подтвердила Алиса.

Люсиль оставила клиентку и подошла к столику с приемником.

— Ну-ка, сама подсчитаю.— И она стала считать вслух.

— Да, четверка,— объявила она через минуту, скомкала бумагу и швырнула ее в корзину.— Почему тебе так везет, Мэйбл?

— Видно, ее лысенький приносит ей счастье,— съязвила Алиса.

Все расхохотались, лишь Мэйбл ограничилась безмятежной улыбкой:

— Что ж, не стану отрицать.

Сутенер, слонявшийся по Седьмой авеню, подмигнул чистильщику обуви:

— Что слышно, папаша?

Папаша оторвался от чьих-то ботинок и ответил:

— Четыре раза!

На углу Сто двадцать восьмой улицы стоял полисмен и крутил в руках дубинку.

— Что слышно? — спросил он у сутенера, и сутенер ответил:

— Кругом четыре.

Полисмен зашагал к Ленокс-авеню. В автомобиле у тротуара сидели молодые люди и пили пиво. Один из них спросил:

— Что там, доктор?

Полисмен поднял четыре пальца и пошел дальше.

Старуха, прятавшаяся от солнца в своем газетном киоске, крикнула через улицу:

— Что он сказал?

Молодые люди назвали ей номер.

Слово пошло гулять по тысячам квартир, магазинов, лавчонок, пронеслось по улицам, как электрический разряд. Люди поднимали четыре пальца, четыре раза стучали ладонью по подоконнику.

В особых конторах цветные девушки склонились над длинными списками трехзначных комбинаций, подчеркивая те, что начинались с цифры 4. Они представили результаты этой работы своим боссам, которые по телефону стали заключать пари на две оставшиеся цифры с более крупными банками.

Эта сцена тысячекратно повторилась на востоке и западе Манхэттена, в Бронксе и Бруклине, с той лишь разницей, что уже не цветные, а белые девушки сидели за счетными машинами, а их боссы для конспирации называли по телефону пари «страховыми полисами».

В деловом центре города, в огромном небоскребе, почтенного вида директора с седеющими висками, так же как и толстые, раздражительные, потные директора, жующие сигары, потребовали от бухгалтеров отчет, как отразился на делах выигрыш четверки в первом заезде. Телефонистки с трудом справлялись с бурным потоком звонков, возникавшим изо дня в день в одно и то же время. Сюда, на вершину бизнеса, стекались сообщения со всех участков делового фронта.

В своей квартире Джон Льюис поднял голову от бумаг и хлопнул себя по щеке.

— Четверка! Черт, что ты на это скажешь! Четверка! Откуда она взялась?

По списку он пересчитал, сколько денег поставлено на четверку. Только без паники! Ничего особенного не произошло. Он улыбнулся. Что же, дуракам везет — одну цифру они угадали. Он, как положено, после забега позвонил в центр, но о тех двадцати долларах, что лежали у него в кармане, не сказал ни слова.

XIV

«Не видать черной женщине счастья в жизни»,— размышляла Гертруда, шагая по Ленокс-авеню. Несколько минут назад она обнаружила, что ящик комода взломан и семь долларов пропали. Возможно, кто-то посторонний залез в квартиру и украл деньги, но поскольку Губерт тоже исчез, то, вероятнее всего, это

его рук дело. Счета за газ и электричество давно просрочены, и «Консолидейтед Эдисон» пригрозил выключить свет. Гертруда знала, что денег не вернуть, даже если она перехватит Губерта до того, как он сделает ставку, но надо все-таки попытаться.

В крошечной кондитерской мистера Кэртиса было пусто, если не считать самого старика хозяина. Он сидел за прилавком в очках с металлической оправой и читал газету. Старая лавочка забита доверху грошовыми конфетами, комиксами, торговыми автоматами, записными книжками, карандашами и множеством всяких бесполезных вещей. Лишь горстка покупателей в силу привычки сохраняла верность мистеру Кэртису. Но хозяин не унывал. Была бы крыша над головой, а остальное не имеет значения.

— Что-то давненько вас не видно, миссис Кули. Заходите, заходите. Ну, как дела? — Мистер Кэртис, приземистый, совершенно лысый старик, был родом из Вест-Индии. Подвижные глаза то улыбались, то суровели, точно отражая настроение их обладателя.— Мистер Губерт? Нет, последний раз я его видел на прошлой неделе.

И тут же сел на любимого конька — политику.

— Скажите, вы читали свежий номер «Амстердам ньюз»?— Он потряс газетой в воздухе и ударил по ней ладонью.— Белые верны себе: назначили этого типа Кларксона в министерство внутренних дел. Знаете, его отцу принадлежат все похоронные бюро в Гарлеме. Сынок учился в Гарварде. Считается, что он такой же черный, как мы, но мы не жди от Кларксона поблажек. Он выступил с заявлением в духе дяди Тома по поводу незаконного суда над негритянским пареньком во Флориде. Нас убеждают, что он представляет наши интересы в Вашингтоне. Ловко, ничего не скажешь!

Он посмотрел поверх очков на Гертруду и увидел, что она его не слушает.

— Что с вами, миссис Кули? Что-нибудь случилось с мистером Губертом?

— Нет, нет, ничего, мистер Кэртис,— она пошла к двери,— до свиданья.

— Не могу ли я вам помочь, миссис Кули? Вы только скажите.

— Нет, все в порядке, спасибо вам.

Гертруда снова шла по Ленокс-авеню. Жара после полудня стала невыносимой, но на улице было довольно много людей. «Господи,— думала Гертруда,— где мне искать моего безумца? Неужто я такая грешница, что заслужила все эти напасти?»

Тридцать лет она ходит по Ленокс-авеню, но сегодня она будто видит ее впервые, проникаясь внезапным прозрением. Сколько знакомых лиц: молодые люди на углу хохочут и хвастаются друг перед другом; старый Слим Томас успел уже набраться и теперь спит на тротуаре у входа в бар «Парадайз»; старики и старухи на складных стульчиках у дверей лавчонок; парень с костюмом на вешалке крадется в «Ломбард Сола»; девушка за прилавком на углу жует резинку и торгует сосисками; страховые агенты, судебные исполнители, бродячие торговцы с саквояжами, набитыми сверкающим хламом, библиями, дешевыми ковриками,— все эти хорошо знакомые детали слились в одно целое, и шумная, сверкающая улица утратила в глазах Гертруды цвет, выпуклость, стала серой, тусклой, тоскливой. Среди всего этого затесалась и она, уродливая, измученная, в рабочей одежде. «Все мы старатели,— думала Гертруда,— да только ищем тщетно, влачим существование, день за днем, пока не приходит конец, и слава богу, ждать его не долго». Гертруда давно научилась делать хорошую мину при плохой игре, не терять присутствия духа, как бы тяжело ей ни было. Но сегодня она припомнила все тридцать лет жизни, прошедшие рядом с Ленокс-авеню, прошедшие впустую, и ей сделалось нестерпимо горько.

Она чуть не заплакала. Хотелось поднять сжатые кулаки и истошно заголосить. Пусть все слышат. Нельзя сносить все это вечно. Всякому терпению бывает предел. Надо позвать на помощь. Как тонущий, идя ко дну, кричит, надеясь, что хоть кто-нибудь протянет руку.

Она сжала кулаки и открыла рот, чтобы дать выход этой отчаянной потребности, но на этом все кончилось. Она — Гертруда Кули со Сто двадцать шестой улицы, весь квартал ее знает. Когда она выходит из дома, все ее окликают: «Доброе утро, миссис Кули», «Как поживаете, миссис Кули?» Ее уважают, женщины часто приходят к ней за советом. Она не может дать себе волю, никогда, ни в коем случае. Руки безвольно упали, кулаки разжались.

Она кивнула Огоньку, стоявшему на углу с друзьями. Он отделился от кучки и подошел к ней, сорвав с головы шляпу.

— Огонек, есть уже первый номер?

— Да, мадам, четверка.

— Спасибо, Огонек.

— К вашим услугам, миссис Кули.

Она повернула к дому. Теперь бесполезно искать Губерта. Придется доставать деньги на газ и электричество где-то еще. Может, у Джеймса Ли что-нибудь найдется.

На Сто двадцать шестой улице миссис Джонас накладывала мороженое двум девчушкам, высоко поднявшим руки, чтобы старуха видела их пенни. Наполнив бумажные стаканчики, миссис Джонас полила сверху шоколадным сиропом. Девчушки повизгивали от нетерпения.

— Господи, миссис Кули,— запричитала миссис Джонас,— на вас лица нет. В чем дело?

— Черной женщине не видать счастья в жизни,— вздохнула Гертруда.

— Это точно, уж я-то знаю,— сказала миссис Джонас, обожавшая старинные изречения. Она сидела на складном стульчике, а Гертруде пододвинула другой, который держала специально для собеседниц.— Присядьте, миссис Кули, хоть поболтаем немного.

Но Гертруде было не до того. Она извинилась и побрела домой.

XV

Вообще-то, говорил он себе, нечего расстраиваться из-за Эсси. У него полно девушек, еще со школы. При случайных встречах на улице бывшие одноклассницы давали понять, что будут рады, если он позвонит. Когда Эсси уезжала в Уайт Плейнз, он частенько проводил время в обществе школьных подруг. Были еще женщины, с которыми он знакомился, работая в ночной смене. Вот бы изумилась Эсси, если бы узнала, что многие пассажирки предпочитают платить за проезд натурой. И не обязательно шлюхи, а даже порядочные женщины, белые и цветные, нередко довольно состоятельные, просто он им нравился. Эсси невдомек, что в городе прорва заманчивых возможностей для такого парня, как он...

— Куда тебя несет, водитель? Ведь мы приехали! — громко сказал пассажир.

Сразу видно, привык командовать. Он и его попутчик были в легких летних костюмах и имели весьма напыщенный и самодовольный вид.

— Простите,— буркнул Джеймс Ли, остановил машину и поддал назад к входу в здание.

Рослый седой привратник поднес руку к козырьку фуражки и помог пассажирам сойти.

На счетчике было восемьдесят центов. Человек протянул доллар и сказал, чтобы Джеймс Ли оставил себе сдачу.

— Спасибо.

— Ладно, Джордж,— махнул рукой пассажир. Они с попутчиком вошли в подъезд, а привратник захлопнул дверцу такси.

Несколько месяцев назад, в субботу, поздно вечером, белый пассажир тоже назвал Джеймса Ли «Джорджем». Джеймс Ли затормозил, стащил обидчика с заднего сиденья и вытолкал его на тротуар. Человечек стал испуганно извиняться, объяснять, что он всем говорит «Джордж», а не только цветным. Джеймс Ли уехал, оставив белого на тротуаре. Он часто не знал, как быть, когда его называли «сынок» или «бой», потому что пожилой человек может обратиться подобным образом к любому. Но насчет «Джорджа» он не сомневался. На сей раз, однако, обидное словечко застало его врасплох. Человек вошел в здание, и как бы Джеймс Ли теперь ни поступил, это будет выглядеть глупо. Он даже не мог обругать пассажира, швырнуть чаевые ему в рожу. Сзади гудело другое такси, и Джеймсу Ли пришлось отъехать. Злоба и горечь тисками сдавили душу.

И тут он решился. Он поедет к Эсси и объяснится с ней. Сегодня все у него не клеится, это из-за нее, он только о ней и думает. Надо помириться, иначе дело не пойдет. Он повернул машину в сторону Гарлема.

Джеймс Ли лишь однажды был у Иреты, и ему там не понравилось. Она жила в одном из новых зданий в начале Сто пятьдесят третьей улицы. Черные селились в этом районе недавно, и в доме оставалось еще несколько белых семей. Здесь снимали квартиры преуспевающие негры — доктора, адвокаты, маклеры, высокооплачиваемые чиновники и аферисты — та группа цветного населения, которой всегда и во всем везло. Джеймс Ли, попадая в такую компанию, остро чувствовал свое ничтожество, точно такое же ощущение бывало у него, когда в машину садились богатые белые пассажиры. Ирета позвала их с Эсси на обед — явно, чтобы посмотреть на него,— и он весь вечер был угрюм и застенчив...

Дверь открыла Эсси.

— Ах, это ты! — Вид у нее такой, будто ничего не произошло: спокойна, привлекательна. Судя по всему, даже слезинки не пролила. Тут он вспомнил, что не успел принять ванну и переодеться, что небрит. Нарядная квартира внушала ему робость.

Они стояли лицом к лицу в гостиной. Наконец он заговорил:

— Послушай, бэби, что происходит? Я звоню, а ты не подходишь к телефону.

Она пожала плечами.

— Не желала с тобой говорить — и точка. Мне и теперь этого не хочется, да и не о чем. Между нами все кончено.

— Послушай, насчет прошлой ночи...— Он уже забыл и про ночь, и про попойку, и про ту женщину по имени Лотти. Надо было заранее обдумать, что сказать Эсси.

— Мне это неинтересно.— Она села на диван, скрестила ноги, оправила на коленях юбку.

Джеймсу Ли стало еще больше не по себе. Он остался стоять посредине гостиной. Впервые он видел Эсси такой. Пусть бы была ссора, ругань, перепалка, лишь бы она стала прежней.

— Я хотел объяснить.

— Не стоит. Можешь ехать домой или туда, где ты проводишь ночи.

Ему дали отставку, обошлись, как с ребенком. Лучше всего сейчас уйти и обо всем забыть, но это значило бы, что он признал поражение. Он заставил себя улыбнуться. Потом стал орать на нее.

— Нет, только взгляните на крошку Эсси! Ты мне никто, понимаешь, н и к т о! Я тебя подобрал, я тебя и брошу.

Он добился своего. От ее спокойствия не осталось и следа. Она вскочила на ноги.

— Никто не просил тебя сюда являться!— закричала она.— Оставь меня в покое. Не желаю больше тебя знать, понятно?

Теперь, когда она вышла из себя, он словно обрел под собою почву.

— Если ты бесишься из-за вчерашней ночи, так и скажи. Я пришел все объяснить по-хорошему, а ты ведешь себя как дура...

— Сам ты дурак, если хочешь знать,— сказала Эсси,— самый настоящий дурак.

— А я-то думал,— не моргнув, соврал он,— что нам пора пожениться...

— Ты мне даром не нужен!

Они стояли лицом к лицу, выстреливая ругательства друг в друга. Внезапно он обхватил ее за талию и притянул к себе. Казалось, только так еще можно спасти дело. Сколько подобных сцен он видел в кино!

Но из этого ничего не вышло. Он рассчитывал, что после короткого сопротивления она поддастся его ласке. Но Эсси вырывалась, дубасила его кулаками, кричала. Пришлось ее отпустить. Задыхаясь, она привалилась к стене.

Ему ничего не остается, как ударить ее. Он вел себя как последний шут. Пора напомнить ей, что он мужчина, отплатить за унижение.

Она, видно, отгадала его намерения и стояла не шелохнувшись. Он уже занес для удара руку, но почувствовал, что не сможет этого сделать. Кулак разжался. Он чертыхнулся, распахнул дверь и выскочил из квартиры.

Эсси не сдвинулась с места, будто Джеймс Ли все еще стоял перед ней. Ей казалось, что теперь она знает ответ на мучивший ее вопрос. Пожалуй, она сама виновата в том, что произошло между ними.

Продолжение следует.

ШАГ В НЕБО

Над площадкой небольшого таежного аэродрома поднимается утренний туман. Солнечные лучи, будто гребнем, расчесывают смоляную гриву деревьев, окружающих взлетное поле. В вышине бьется жаворонок.

Шестеро подходят к распахнутой двери «Аннушки» и под внимательным взглядом инструктора один за другим прыгают в самолет. Ступив ногой на лесенку, девушка поднимает голову, и ее голубые глаза отыскивают маленькую точку в небе. Там, словно призывая ее, пляшет жаворонок. И девушке кажется, что сквозь гул воздушной машины она слышит манящую песню птицы.

Уже в воздухе, глядя в иллюминатор, Людмила вспоминает тот день, когда вот так же, услышав пение жаворонка, почувствовала, как притягивает ее голубой простор. Вспоминает свой первый прыжок. Тогда инструктор Марк Романович Хижняк сказал ей: «Главное — решиться, сделать первый шаг, а потом парашют раскроется, и все пойдет, как положено...»

— Приготовиться! — слышит Людмила голос командира «АН-2» Сергея Удолова.

Поток свежего ветра врывается в самолет. В открытую дверь видна земля, лежащая далеко внизу. Спокойное темно-зеленое море амурской тайги, с прожилками дорог и пунктиром поселков.

— Пошел!

Девушка делает шаг туда, в синюю пустоту. Шаг в небо. Какие-то секунды она камнем летит вниз. Но вот раскрылся парашют и начался плавный спуск.

Это был тридцатый прыжок Людмилы Тощевой — курсантки Хабаровской авиационной базы охраны лесов. Сколько раз еще будет шагать вот так в небо бесстрашная девушка, чтоб приземлиться в тайге, рядом с бушующим огнем!

Марк Романович Хижняк сказал мне потом, что за семнадцать лет своей работы в пожарной авиации девушку он встречает впервые.

В. КУЗНЕЦОВ

С ФОТОАППАРАТОМ И АКВАЛАНГОМ

Стоит погрузиться с аквалангом первый раз в море — и сразу возникает мысль заснять на пленку этот красочный, населенный удивительными существами мир. В последнее время фото- и киноаппараты становятся постоянными спутниками исследователей подводного царства.

Фотографии, которые представлены на четвертой обложке, сделаны мною в глубинах Японского моря.

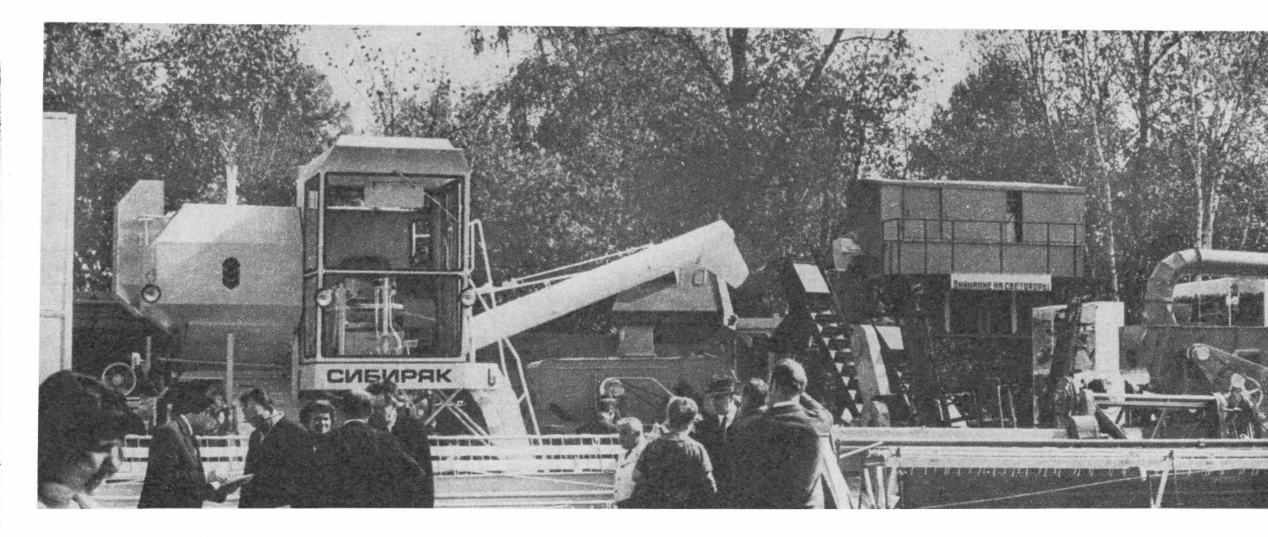
Вот плывет необычная рыба. При первой опасности она бросится в гущу водорослей, замрет и станет похожей на лист морской капусты (левый верхний снимок).

Многие, видимо, взглянув на правое верхнее фото, подумают, что перед ними цветы. Но это актинии — животные, близкие к кораллам тропических морей.

На нижнем левом снимке изображен краб.

А здесь как будто нет никакого сомнения: огурец, и только. Однако на фото запечатлено животное — гребневик.

Ю. АСТАФЬЕВ

«Сибиряк» — машина новая.

ТЕХНИКА ПОЛЕЙ И ФЕРМ

Министр тракторного и сельскохозяйственного машиностроения И. Ф. Синицын: «Это одна из наиболее интересных международных специализированных выставок, проводившихся в последние годы в Москве». Бюллетень Пресс-центра «Сельхозтехники-72»: «В выставке участвует около 1 000 фирм, предприятий и организаций из 23 стран и Западного Берлина».

...С разрешения конструкторов поднимаюсь в кабину «Сибиряка». Несколько ступеней трапа, и я на удобном сиденье. Рулевое колесо, рычаги управления, широкие окна — обзор прекрасный. Вижу, как много людей у соседей: рядом с сибирским комбайном стоят его «коллеги» — «Нива» и «Колос». Чуть поодаль разместились хлопкоуборочные машины — их прислал Ташкент. А за ними выстроилась техника полей, сработанная на заводах Эстонии и Латвии... Словом, вся страна, каждая наша республика что-то прислала сюда, в Сокольники, на «Сельхозтехнику-72» — комбайн или чаеуборочную машину, трактор, дождевальную установку, а то и вертолет — они все шире применяются в сельском хозяйстве...

Многие из этих машин разрабатывались в деловом и дружеском сотрудничестве специалистов разных республик. Сейчас они приехали сюда — и конструкторы и земледельцы. Возле «Сибиряка» (к нему интерес повышенный, машина новая) главный конструктор Красноярского комбайнового завода Виталий Прокофьевич Гаврилов беседует с тамбовцем — доцентом Мичуринского плодоовощного института Алексеем Степановичем Неретиным. Не в одиночестве беседуют — в разговоре заинтересованно участвуют алтайские хлеборобы и украинские специалисты сельского хозяйства...

Выставка прежде всего деловита. Болгарские садоводы заинтересовались машинами производства ГДР, а те, в свою очередь, присматриваются к новым тракторам советского производства. За годы восьмой пятилетки у нас в стране создано более 400 типов новых тракторов и сельскохозяйственных машин. В их числе и такой силач, как «К-701»,— триста лошадиных сил спрятано в его моторе! И не случайно, конечно же, стоит неподалеку от «Кировца» колесный «Фордзон-путиловец». Люди старшего поколения помнят, какой сенсацией был он на сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке 1923 года, один из первых наших тракторов — совсем малютка рядом с гигантом 1972 года. Да только ли с ним? «Путиловец» заметно уступает в силенке самой маломощной нашей малолитражке — «Запорожцу»...

Может быть, как говорится, сила есть — ума не надо? В том-то и дело, что в конструкцию каждой новой машины вложено изумительное сочетание ума и силы. Это чувствуется во всем: в продуманной компоновке агрегатов, во внешнем виде машин, удобствах, созданных для людей, которым предстоит работать на этих тракторах, комбайнах, машинах, обрабатывающих землю и убирающих урожай.

Меня, человека городского, сызмальства принявшего к сведению, что булки на дереве не растут, и вместе с тем не знающего тонкостей ведения сельского хозяйства, поразил прежде всего гуманизм, внесенный конструкторами в эти механизмы. Главное в современных машинах — забота и о тех, кто на них работает, и о земле, об урожае. Чтобы при обработке почвы нанести ей минимальный урон, а при уборке урожая — собрать все, «дойти» до каждого клубня и колоска. Машины создаются для того, чтобы не просто взять у нивы и фермы больше, но и взять заботливее. Дабы не пропало зернышко на безбрежных пшеничных просторах и на каждый литр молока доярка потратила как можно меньше сил.

Все здесь направлено на это. Под стать силе кировского трактора создана и богатырская упряжь (специалисты назвали ее красиво: шлейф) — парк машин, которые будут работать в паре с могучим трактором, на больших, до 15 километров в час, скоростях. 39 советских министерств и ведомств, 50 научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро, более 300 промышленных предприятий организовали советскую экспозицию. На территории 16 тысяч квадратных метров в Сокольниках и 7 тысяч квадратных метров на ВДНХ расположилось около 1 000 экспонатов.

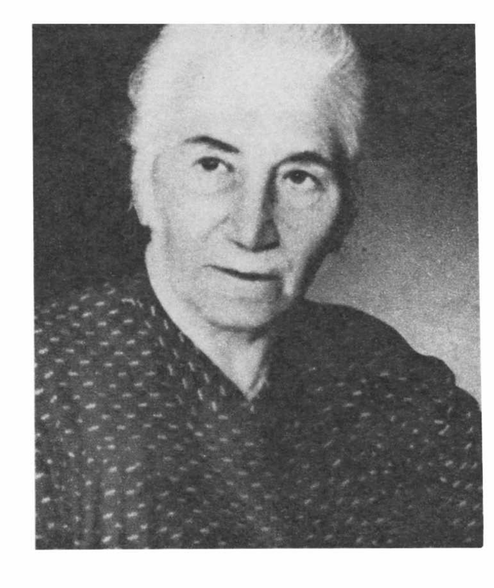
Кроме Советского Союза, в выставке принимают участие страны социалистического содружества. Экспозиции предприятий и организаций этих государств дают четкое представление о путях развития социалистического сельского хозяйства в каждой из этих стран. Мы уже привыкли к тому, что от выставки к выставке, от года к году страны — члены СЭВ все более представительно и разнообразно демонстрируют возможности своей промышленности, науки, практики.

Останавливаюсь около комбайна «КС-6». Вроде бы обычная машина. Корнеуборочная. Оказывается, это коллективная разработка машиностроителей трех стран. По бункеру машины надпись: «Разработан — испытан — изготовлен совместно СССР, ГДР, НРБ». Три автора одной машины — самоходного шестирядного уборочного агрегата. Из Болгарии поступает для «КС-6» электрическое и гидравлическое оборудование, из ГДР — транспортеры, кабины. У нас в стране делают ходовую часть... Собирают в Харькове и на одном из заводов ГДР. Впрочем, это далеко не единственный пример конкретного содружества. На польских стендах несколько машин, разработанных совместно со специалистами СССР и ГДР. Такие же надписи встречаешь и на экспонатах других стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи.

Самая крупная зарубежная экспозиция — предприятий и объединений ГДР. Линии по обработке зерна, сахара, кормов, молока, лабораторное оборудование, препараты и средства внедрения химии в сельское хозяйство. Болгарские предприятия в большом разнообразии показывали машины для рассады овощей и сбора плодов. В венгерской экспозиции — оборудование для ремонта и технического обслуживания сельскохозяйственных машин, сельскохозяйственный транспорт, оборудование животноводческих ферм. Предприятия Польши показывали агрегаты, изготовляющие травяную муку. Чехословацкие предприятия знакомили со средствами механизации, приборами, новейшими ядохимикатами и удобрениями.

Словом, если попытаться перечислить все, что было на выставке, то получится длиннейший, просто-таки бесконечный перечень почти всего, что требуется сегодняшнему сельскому хозяйству.

К. БАРЫКИН
Фото автора.

СЛОВО ПРОЩАНИЯ

Широко известны лаконичные строки из автобиографии Владимира Маяковского: «Приехала сестра из Москвы. Восторженная. Тайком дала мне длинные бумажки... Это была революция. Это было стихами. Стихи и революция как-то объединились в голове».

Трудно переоценить то благотворное влияние, которое оказывала сестра поэта на формирование личности Маяковского. Фактически ставшая после смерти отца (1906 г.) главой семьи и ее кормилицей, Л. В. Маяковская, в то время студентка Строгановского художественного училища, всецело посвящает себя семье, помогает младшей сестре и брату получить образование. По ее инициативе семья Маяковских перебирается в Москву.

В 1905 году Л. В. Маяковская принимала активное участие в работе революционных кружков, участвовала в похоронах Н. Э. Баумана, вылившихся в демонстрацию, снабжала питанием раненых на баррикадах у Арбатских ворот во время вооруженного восстания в Москве.

Советская общественность видит в Л. В. Маяковской не просто старшую сестру поэта революции, но и его верного соратника и помощника по работе, близко соприкасавшегося с Маяковским в различных областях его многогранной деятельности.

После окончания Строгановки в 1910 году Л. В. Маяковская поступает на Прохоровскую («Трехгорную») мануфактуру. Она первая русская женщина-художница в текстильной промышленности. Более полувека отдала Людмила Владимировна отечественной текстильной промышленности.

Незаурядное колористическое дарование, техническая виртуозность, острое чувство условности и декоративности, тонкий вкус, опирающийся на солидные знания и богатый опыт, наконец, щедрая композиционная фантазия — такова оценка крупных специалистов декоративно-прикладного искусства Л. В. Маяковской.

После смерти брата Людмила Владимировна становится горячим пропагандистом его партийной поэзии. Она много сделала для того, чтобы читатели верно представляли жизнь и творчество Маяковского.

С ее участием в работе редколлегий вышел ряд изданий собраний сочинений В. Маяковского. Она вела большую работу по собиранию и распространению ценнейшего наследия, оставленного поэтом, участвовала в дискуссиях по вопросам, связанным с творчеством Маяковского, консультировала научных работников, аспирантов, художников, научных сотрудников Государственного музея В. В. Маяковского, поэтов и писателей, пишущих о В. Маяковском.

Перу Л. В. Маяковской принадлежит ценнейший комментарий к автобиографии поэта «Пережитое», изданный в 1957 году в Грузии, на родине Владимира Владимировича. В 1965 году Детгизом выпущена интересная книга воспоминаний сестры поэта «О Владимире Маяковском». В последнее время она работала над книгой для взрослых, в которой хотела подробно рассказать о семье Маяковских.

За большие заслуги перед советским народом Людмила Владимировна Маяковская была удостоена высокой правительственной награды — ордена Трудового Красного Знамени.

Старейший художник, педагог-воспитатель, литератор, общественный деятель, персональный пенсионер союзного значения — старшая сестра поэта была верным другом, помощником величайшего поэта нашего времени. Такой мы будем помнить всегда Людмилу Владимировну Маяковскую.

В. В. ВОРОНЦОВ, В. В. МАКАРОВ, Н. И. БУРМИСТРОВ

НАША РЕПЛИКА

БЕДНЫЙ, БЕДНЫЙ ВАНЬЯ...

В одном из последних номеров журнала «Шпигель» можно найти такую сногсшибательную новость: «Более 43 миллионов детей во всем мире в возрасте от 6 до 14 лет вынуждены трудиться и выполнять такую же работу, что и взрослые... В Европе работает 2,5 миллиона детей, ИЗ НИХ 1 МИЛЛИОН ПРИХОДИТСЯ НА СОВЕТСКИЙ СОЮЗ»... Да-да, не где-нибудь на плантациях расистской Родезии, а именно в СССР шестилетние карапузы изнемогают под бременем изнурительного труда.

Как и зачем мог возникнуть подобный бред? Думается, что появление его не случайно. Действительно, трудно удержаться от искушения и не добавить еще один штрих к образу советского человека, который вот уже столько лет и с такими трудами создается «Шпигелем». То, что успехам советской школы жители Западной Германии могут только завидовать, никак не опровергнешь. То, что даже западногерманские бургомистры, говоря о заботе, проявляемой к детям в СССР, признают: конечно, мол, мы отстали от вас в этой области минимум на полвека,— тоже не зачеркнешь. Но тень бросить всегда можно. Причем с помощью одной только цифры. А в остальном — положиться на фантазию читателя.

Прочтет, скажем, некий господин Х. эту сенсационную заметку, а там, глядишь, припомнит заодно и другую, образца 1944 года (в подбитом русском танке обнаружен восьмилетний ребенок, прикованный тяжелыми цепями к рычагам управления),— и моментом вообразит: «ди целина», «дер трактор», а отсюда (уже по аналогии) — «дер кляйне Ванья», как и положено, в больших сапогах, в полушубке из синтетической (веяние времени) овчины, изо всех своих слабых сил жмет на педали железной махины, басовито покрикивая: «Но, мертвая!»

В зависимости от житейского опыта того или иного читателя возможны варианты: тот же Ванья у мартеновской печи (на выкорчевывании пней, торфозаготовках, бурении нефтяных и газовых скважин и т. п.), после чего читателю «Шпигеля» должно показаться, что школа, куда ходит его сын (дочь) и где все восемь классов подчас занимаются в одной комнате,— просто филиал Сорбонны или Гейдельбергского университета, а дети, зарабатывающие на кино или мороженое мытьем чужих автомобилей, представятся ему баловнями судьбы.

Журнал обходит молчанием вопрос, какую же работу можно доверить шестилетнему. Впрочем, бывает ведь всякое... Кстати, интересно, в каком возрасте пребывают редакторы самого «Шпигеля»?

С. ГУК

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Русский математик. 8. Народный поэт Дагестана. 9. Массовое народное гулянье. 10. Тропическое растение. 13. Штат США. 16. Персонаж поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души». 18. Положение, принимаемое без доказательств. 19. Шлифовальный, точильный камень. 20. Французский философ XVII века. 21. Окраина села. 22. Рыба семейства карповых. 25. Металл. 28. Спутник планеты Сатурн. 30. Зубчатое колесо. 31. Глубоководный самоходный снаряд для океанографических исследований. 32. Регулятор количества рабочей смеси в двигателях внутреннего сгорания.

По вертикали: 1. Действующее лицо оперы Н. А. Римского-Корсакова «Царская невеста». 2. Сахаристый продукт. 3. Город в Эфиопии. 4. Грузинский смычковый инструмент. 6. Настольная игра. 7. Подвесное ложе. 11. Английский писатель. 12. Русский архитектор XVIII—XIX веков. 14. Балет С. С. Прокофьева. 15. Озеро в Казахстане. 16. Русский мыслитель, автор «Философических писем». 17. Опера П. И. Чайковского. 23. Участник соревнования, идущий впереди. 24. Чертежный инструмент. 26. Овощ. 27. Денежная единица Югославии. 28. Приток Вислы. 29. Порт в Иране.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 38

По горизонтали: 4. Менделеев. 7. Пенал. 8. Губан. 10. Ариетта. 12. «Челкаш». 14. «Галька». 18. Устрица. 19. Казачок. 20. «Деревня». 21. Свирель. 23. Децима. 25. Анализ. 27. Рефлекс. 29. Садко. 30. Камин. 31. «Подросток».

По вертикали: 1. Регата. 2. Бельведер. 3. Чесуча. 5. Ферма. 6. Вахта. 9. Сервантес. 11. Склонение. 13. Кутаиси. 15. Легенда. 16. Букса. 17. Ладья. 22. Рефлектор. 24. Мицар. 26. Надир. 27. Рокфор. 28. Стасов.

На первой странице обложки: Перед полетом. Людмила Тощева — курсант Хабаровской авиационной базы охраны лесов (см. в номере заметку «Шаг в небо»).

Фото В. Кузнецова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 4/IX-72 г. А 04297. Подп. к печ. 19/IX-72 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1887. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 3399.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

В. Дени. ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЛЕНИНИЗМ! 1927 г.

Игорь ДОЛГОПОЛОВ

ХУДОЖНИКИ В «ПРАВДЕ»

«Правда»... Каждое утро со свежей полосы газеты к миллионам советских людей приходит новое слово о жизни Родины, о событиях, волнующих нашу планету.

Раскройте очередной номер «Правды», и вы увидите рядом с передовой — фотографии или рисунки, рассказывающие о трудовых буднях страны, о героях девятой пятилетки. Переверните страницу, и среди сообщений зарубежных корреспондентов на полосе — карикатура, острая, разящая.

Изображение — рисунок, плакат, карикатура — сражается рядом со словом. Журналист-писатель и журналист-художник работают плечом к плечу. Они гордо несут боевое имя «газетчик»...

В мае этого года «Правда» отмечала свой шестидесятилетний юбилей. И в эти дни среди самых почетных авторов, сотрудников газеты, были имена наших замечательных художников-графиков — Дени, Моора, Кукрыниксов,— вписавших своими блестящими произведениями немеркнущие страницы в историю советской графики. Высокая гражданственность, обличительный пафос, предельная чеканность формы отличают их творчество.

Кукрыниксы... Более сорока лет их поразительные по силе и глубине карикатуры бьют по врагам мира, прогресса, свободы. Если на миг представить себе галерею образов, созданных художниками, то перед нами предстает потрясающая по объему и экспрессии панорама международной жизни.

Глубокое чувство удовлетворения испытываешь, читая Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении одному из членов всемирно известного коллектива художников — Кукрыниксов (Куприянов, Крылов, Соколов), Порфирию Никитичу Крылову, звания Героя Социалистического Труда. Ведь среди многих граней таланта этого выдающегося мастера одна из главных — газетные рисунки — карикатуры, созданные для «Правды».

Художники-правдисты... Так можно было бы назвать выставку рисунков, плакатов, карикатур художников «Правды», организованную Союзом журналистов СССР и недавно проходившую в Москве в помещении Дома культуры и техники.

Около двухсот работ. Своеобразная летопись жизни нашей Отчизны. Октябрь, гражданская война, первые пятилетки, Великая

А. Яр-Кравченко. НАЧАЛО СТРОЙКИ КРАСНОЯРСКОЙ ГЭС. 1963 г.

В. Брискин. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО РАБОЧИЙ КЛАСС — БОРЕЦ ЗА ИДЕАЛЫ ЛЮДЕЙ ТРУДА. 1961 г.

Отечественная война, послевоенные годы труда и созидания; кроме того, широкая картина международных событий этих лет. Все это нашло отражение в произведениях художников: Моора, Дени, И. Бродского, В. Сварога, Кукрыниксов, Бор. Ефимова, Н. Жукова, П. Васильева, О. Верейского, А. Яр-Кравченко, В. Горяева, И. Семенова, П. Караченцова, Н. Долгорукова, В. Богаткина, А. Боженова, М. Абрамова, В. Фомичева и многих других.

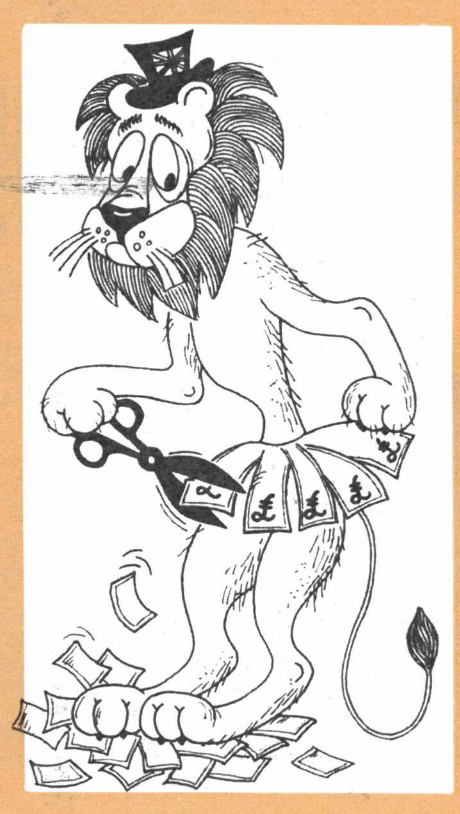
Ощущение пульса времени, острая событийность — вот типичные приметы рисунков этих художников.

1963 год... Богатырские руки портальных кранов, силуэты гигантской стройки. Кипящие будни созидания и подвига — «Начало стройки Красноярской ГЭС» художника Яр-Кравченко. Изорепортаж, напечатанный в «Огнях Енисея» — выездном издании газеты «Правда», выходившем на стройке Красноярской ГЭС, где работала специальная бригада правдистов. Сухое, почти технически звучащее слово. Но как эмоционален язык этого рисунка, сделанного на месте события! В жанре изорепортажа на полосах газеты удачно выступали художники О. Верейский, В. Добровольский, И. Сущенко, И. Пчелко...

Немалое место в газете занимали рисунки зарубежных художников, наших друзей: Ж. Эффеля (Франция), Х. Бидструпа (Дания), Р. Гуттузо, Р. Вердини (Италия), Ж. Маринова, Г. Анастасова (Болгария), И. Жентла (ЧССР), Л. Хааса (ГДР), А. Поха (Румыния). На выставке особое место было предоставлено остро отточенному карандашу лауреата Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Бидструпа, которому на днях исполнилось шестьдесят лет. Советское правительство высоко оценило творчество этого выдающегося сатирика современности, наградив его орденом Трудового Красного Знамени.

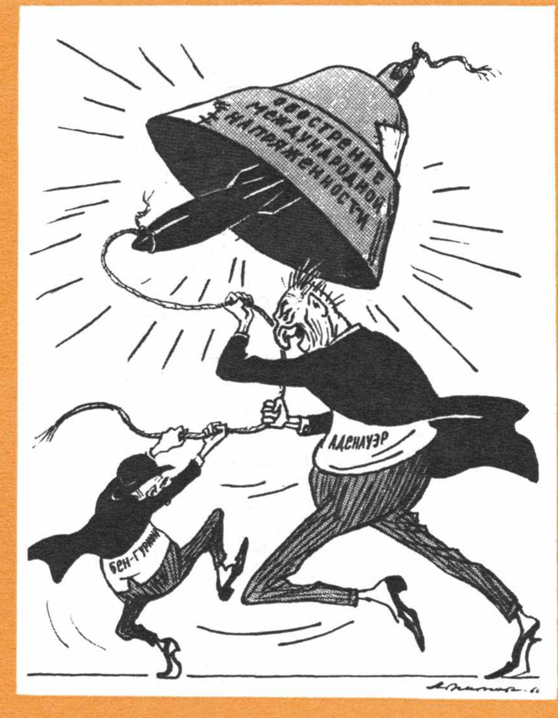
Выставка художников «Правды» стала передвижной. Сейчас ее экспозиция будет развернута в Риге, Вильнюсе и Таллине. Многотысячный зритель сможет ближе познакомиться с мастерами, посвятившими свой талант беспокойной, трудной и интересной профессии художника-газетчика, бойца идеологического фронта.

В. Тильман. «АНГЛИЙСКАЯ МИНИ-ЮБКА». 1967 г.

Ж. Маринов. (Болгария) ТЯНУЩИЕСЯ ОТ СВЕТА. 1970 г.

М. Абрамов. НАШЛИ. ОБЩИЙ ЯЗЫК. 1960 г.

Кукрыниксы. НОМЕР С ПОДДЕРЖКОЙ. 1971 г.

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663